Черный сектор. Вор

Автор:
Юлия Шолох

Черный сектор. Вор

Юлия Шолох

Чёрный сектор #4

Чего может хотеть девушка, которая входит в десятку самых богатых невест мира? Чего можно желать, когда имеешь всё, на что только расщедрилась фантазия?

Вечной молодости? Или запомниться человечеству как самая красивая женщина мира? А может, пленить всех жителей вселенной своим артистическим или певческим даром?

Может, покорять мужчин?

Все, чего хотела она – чтобы на двери её комнаты был замок

Юлия Шолох

Черный сектор

Вор

Глава 1

Кислый век

Всё всегда заканчивается. Даже страх. Как бы ты ни боялся, но если в моменты самого дикого ужаса твоё сердце не остановилось, и ты выжил – значит, страх тоже рано или поздно закончится.

А вот что произойдёт после того как страх закончится, никто не знает. Возможно, на его место придёт нечто другое. Или там, в этом самом месте, останется зияющая пустота.

Ваське казалось, она внутри пустая. Хотя по факту всё было совсем наоборот.

В последнее время ей вдруг приходили в голову необычные мысли. Например, что она может решить, чего хочет. Вот просто сесть и сказать: я хочу того и этого! Конечно, она понимала, что озвученные желания вдруг не исполнятся, но сама возможность решить, чего хочешь, показалась ей чем-то необычным и даже драгоценным. Знать, чего хочешь… Нет, она, конечно, периодически хотела есть, или пить, или спать. Но чтобы вот так глобально – чего она вообще хочет от жизни? Васька о таком прежде не задумывалась.

Чего может хотеть девчонка, которая входит в десятку самых богатых невест мира? Можно только догадываться.

Возможно, она хочет вечной жизни. Единственного, чего не хватает людям, которые владеют всем остальным. Вечной жизни и молодости.

Или она мечтает покорять сердца мужчин одним лишь взглядом. И наслаждаться их падением, и ходить по их трупам, пинать их носочком своей туфельки.

Или не против доказать всему миру, что она – талантливая певица или актриса, которая выбилась бы в люди, даже если бы пришлось родиться в бедной семье.

Так чего может хотеть такая девчонка? Можно только догадываться…

Васька всегда хотела лишь одного: чтобы на двери её комнаты был замок.

Она, наверное, привыкла к этим ночным посещениям отца. Они случались столько, сколько Васька себя помнила. С самого раннего детства. Стоило заснуть, как он появлялся, настежь распахивал двери, врывался в комнаты и включал свет. А потом пинал игрушки, если те оставались неубранными.

– Вставай!

Васька послушно выползала из-под одеяла, становилась босыми ногами на пол, опускала голову так, что спутанные волосы закрывали лицо, и ждала.

– Что выучила сегодня? Ну? Чего добилась? Я слушаю.

Он садился в кресло и притворялся, будто бы расслабился. Но каждую секунду только и ждал, когда Васька срывающимся голосом скажет что-нибудь не то. А она всегда говорила что-нибудь не то. Не важно, какие слова она произносила – хватало всего нескольких.

И отец вскакивал и начинал орать.

Васька – тупая ослица от такой же тупой матери. Эта наследственность, черти её дери! Проклятущая наследственность! Позор! Вечный позор! Она никогда не станет умной. Это его кара – дочь, которая позорит отца. Вечное пятно в его роду. Она не может учиться. Она не занимается спортом. Не поёт и не танцует, не рисует милые родительскому сердцу рисунки. У неё нет никаких талантов. Непонятно, как у него могла родиться такая серая и невзрачная дочь!

Последние слова он всегда повторял с отвращением и вселенским разочарованием.

Потом уходил и с силой хлопал за собой дверью.

Васька после этого ещё долго стояла посреди комнаты, хлюпала носом и стряхивала слёзы с ресниц. Правда, чем старше она становилась, тем меньше оставалось воды в глазах.

Наверное, это, и правда, её вина – то, что она такая плохая дочь. А отец имеет право злиться, ведь других детей у него никогда не будет. Что-то случилось,

когда он был совсем молод, произошло какое-то несчастье – и он лишился возможности получить потомство. К тому времени одна из его любовниц выяснила, что беременна. В другой ситуации она просто прервала бы беременность, но теперь выиграла карт-бланш. Денег, которые она получила за рождение и передачу отцу ребёнка, ей хватало на безбедное существование до сих пор, хотя прошло уже более двадцати лет. Когда Васька была подростком, она пыталась найти мать… но та не отвечала на сообщения, а просто помещала Ваську в чёрный список. Во всех сетях, раз за разом. Она жила своей жизнью, прошлые дети её не интересовали.

Отец очень хотел мальчика. Но родилась Васька. И даже с этим он бы смирился, как сам не единожды говорил. Если бы единственный ребёнок не оказался откровенно тупым, некрасивым и не позорил отца одним своим существованием. И хуже всего – других попыток у отца не будет. Всё провалено, ему некому оставить своё состояние, некому продолжить род, а значит, жизнь прожита зря.

Тяжело знать, что ты не такая, как нужно. Что ты не оправдала ожиданий и из-за тебя собственный папочка несчастлив.

И, наверное, очень стыдно так думать, но Васька всем сердцем хотела не стать хорошей, чтобы папа был доволен, а замок на дверь, чтобы он не смог больше приходить к ней и устраивать эту моральную порку.

Пожалуйста, что угодно, только не это!

Но устанавливать замок ей было категорически запрещено. Несколько попыток заговорить об этом были прерваны решительно и грубо. Никогда. Замка на её двери не будет никогда – и точка!

И Васька каждый вечер ложилась спать, смотря на дверь, которая вот-вот распахнётся.

* * *

Странно, что именно эти воспоминания всё чаще приходили в последние дни. Раз за разом, всё в больших подробностях. Рубашка отца, всегда белоснежная и отглаженная, тёмно-серые классические брюки без единой пылинки. Квадратная

челюсть, красное от злости лицо и невероятно холодные зеленые глаза. Память то и дело подбрасывала ей новые детали. Вероятно, потому, что Васька слишком много времени проводила без дела. Просто сидела у ручья и смотрела, как течёт вода. Она раньше и представить не могла, что это незатейливое занятие может быть таким увлекательным. Часами. Она смотрела на воду буквально часами. И не могла насмотреться.

В голове было легко и пусто.

Она ведь привыкла, что проблемы решаются без её участия. И тут всё решится само собой. Кто-нибудь найдёт базу, еду носят, а с некоторых пор ещё и с ней самой некоторые носятся как с писаной торбой. Зои не бросит.

Понять, что проблемы, как обычно, кто-нибудь решит, было просто. Так случается всегда. А вот понять, что тебя не оставят одну, даже учитывая, что твоя дорогущая краснокаратная банковская карта тут ровным счётом ничего не стоит… Что люди могут помогать тебе просто потому, что это правильно… в это поверить было очень непросто. После всего, чему учил отец. После всего, чему учила жизнь… Но Васька смогла. И успокоилась. И подумала: может, всё же человечество не такое уж и гнилое. Может, оно ещё как-нибудь себя реабилитирует.

Пустая надежда. Глубоко внутри Васька знала, что человечество рано или поздно само себя угробит. И в этом нет ничего ужасного. Люди – они заслужили. Зачем им существовать? Они только и делают, что всё портят. Развили науку до такого уровня, что умеют летать к далёким звёздам, а равенства и справедливости для самих себя так и не добились.

Вода текла и журчала.

Интересней всего было смотреть, когда в воду что-нибудь падало. Какая-нибудь палочка или листочек. Листья плюшек – самые забавные, похожие на маленькие лодочки-плоскодонки. Когда лист несло течением мимо Васьки, и он вертелся, как живой, она следила за ним, представляя, что стала крошечной и плывёт на этом кораблике по бурной реке. А впереди – пороги, препятствия и опасности. Но кто-то большой следит за ней и в случае чего поможет и спасёт. Подхватит большой ладонью и вытащит из пучины на сушу. И дыхание замирало, будто опасность настоящая. Потом лодочка уплывала из поля зрения, и Васька ждала

новую. Чтобы на время стать кем-то другим.

А ещё Васька всегда сидела на одном и том же месте. Небольшой закуток в кустах, открытый только со стороны ручья. Напротив, через воду, только узкая полоса мелких камней и снова густые заросли. Не очень далеко от лагеря, чтобы даже случайно не заблудиться – и всё же достаточно далеко, чтобы никто другой здесь не появлялся. Васька не любила людей, чего уж скрывать. Ни мужчин, ни женщин. За что их любить? Разве что детей. Да, разве что детей…

* * *

Её ведь тоже никто не любил. Отец только требовал и требовал непонятно чего. По его убеждениям, ребёнок в пять лет вполне уже мог выучить иностранный язык, а в семь погружаться под воду с аквалангом. А Васька… она перестала напрягаться ещё в школе, в начальных классах. Даже учиться перестала. К чему? Какой бы высокой ни была оценка, папе она всё равно не казалась таковой. А учителя… ставили ей «отлично», даже если она на «отлично» не отвечала. Вначале это Ваську очень удивляло. За что? Она же ошиблась в цифрах или криво написала половину слов. А потом она просто привыкла.

В АМК-у она поступать не планировала. Она вообще ничего не планировала, просто плыла по воде, как эти самые сорванные ветром листочки. Правда, не верила, что за ней кто-то присматривает. Был период, когда Васька интересовалась религией. Это ведь так прекрасно, когда кто-то может за тебя вступиться.

Однако это заблуждение быстро прошло. В Васькиной голове не складывались вера в высшие силы и её нынешняя жизнь. Не складывались, и всё тут. Она хоть и свободный человек, но всегда должна делать то, что сказал папа. Он её царь и бог. Человек с требованиями, которые невозможно понять, но которым должно следовать.

Поэтому Васька, конечно, поступила в АМК-у. Правда, отношение отца от этого не изменилось. Но она давно уже не надеялась на подобное чудо.

Жизнь Васьки, оказывается, была неизменной и однородной. Год за годом… Пока она не встретила Его.

Папа никогда не стеснялся кричать на неё в присутствии слуг и охраны. Вышколенные, сотни раз проверенные, наёмные люди вели себя как истуканы, которые ничего не видят и не слышат. Именно за это им так хорошо платили. Вся жизнь Васьки прошла среди людей, но при этом они словно не существовали – как тени шуршали вокруг, делали всю работу и пропадали.

В тот вечер папа явился раньше времени. И был пьян. Его даже шатало, и рубашка выбилась из-за пояса брюк.

Он снова кричал, привычными словами, которые Ваську уже не трогали. Она не любила отца. Да, пришлось себе признаться: это совершенно посторонний ей человек. И ей всё равно, как он живёт, и даже если его не станет, Васька, наверное, не расстроится. Жутко звучит. Или нет? Она не могла определиться.

Васька слушала молча и рассеянно смотрела по сторонам, и от этого отец кричал всё громче. Нужно было сделать несчастный и виноватый вид, но почему-то Васька расслабилась и забыла об этом. А отец этого не прощал. Даже замахнулся один раз. И, как всегда, остановился. Он никогда не бил Ваську, ни разу за всю жизнь не ударил. Она не знала, почему.

Когда всё же отец выдохся и пошёл в свои комнаты, Васька посмотрела ему вслед с намерением убедиться, что он вдруг не передумает и не вернётся, чтобы продолжить высказывать претензии – так хоть и редко, но бывало.

Нет, уже точно не вернётся, он захлопнул за собой дверь. Периметр резной белоснежной двери, стилизованной под старину, вспыхнул зелёным контуром блокировки.

Можно выдохнуть.

Отводя взгляд, она вдруг наткнулась на двух охранников у отцовского кабинета. Охрана в их доме была круглосуточной, и Васька привыкла к этим незаметным людям. Даже если их лица менялись, в массе своей они, казалось, оставались прежними. И сейчас один из двоих вёл себя как все остальные: ровное выражение лица без тени эмоций, застывшая поза.

А вот второй… Второй смотрел ей прямо в глаза. Васька даже моргнула от изумления. Наёмный персонал никогда не смотрел ей в глаза! Это было

прописано в контакте!

Но этот парень смотрел. И потом сделал такую гримасу: мол, забей, не обращай внимания. Поорал – и бог с ним, родители бывают такими придурками!

Васька растерялась. Так, как не терялась, даже когда кричал отец. Может, она ошиблась и это вовсе не охрана? Может, какой-нибудь посетитель, который припозднился в ожидании, ведь её отец имел привычку назначать встречи и не приходить на них. Хотя… с чего бы он назначал встречу дома?

Она внимательно осмотрела парня с ног до головы. Одет, как вся охрана: строгий чёрный костюм с пиджаком свободного кроя – так, чтобы оружие не бросалось в глаза. Короткая, почти под ноль стрижка. Блестящие туфли, на первый взгляд лёгкие и модные, но подошва у них настолько прочная, что он может бежать в них по гвоздям или по расплавленной лаве, и при этом не пораниться. И руки – крепкие руки, которые охранники имели привычку или держать скрещёнными перед собой, или опускать вдоль тела.

Охранник. Всё сходится. Тогда почему… он продолжал дружелюбно улыбаться? И выглядит значительно моложе остальных. Волосы в свете ламп почти серые – на солнце, видимо, будет пепельный блондин, и глаза серые. В лице нет породы, о которой любил упоминать отец, зато оно имеет черты, которые выдают человека без камня за пазухой. Все папины компаньоны носят за пазухой по камню, а этот парень – однозначно, нет.

Ничем не примечательная внешность, если бы не выражение лица.

Но тут его напарник одёрнул его. Напарник был гораздо старше и, возможно, работал в семье Васьки давно. Она не знала. Но он коротко что-то сказал, едва склонив к первому голову, и парень застыл, превратился в статую, а его ставший пустым взгляд прошёл мимо Васьки, будто она в одно мгновение перестала существовать.

Это всё было так странно и волнительно, что Васька даже ночью несколько раз просыпалась и вспоминала выражение его лица. Такое открытое, жизнерадостное, будто… он хотел её поддержать. Будто ему не понравилось, что кто-то кричит своей дочери такие слова.

Следующим утром Васька вышла из своих комнат, чтобы ехать в АМК-у. И по дороге к машине внимательно смотрела на всех охранников. Вчерашнего в их числе не было. Конечно, его смена могла закончиться, но что-то подсказывало: его наказали. Нельзя, нельзя так вести себя с теми, кто платит тебе зарплату! Нельзя по-свойски переглядываться с ними, будто вы друзья!

Васька целый день думала об этом странном поступке. Почему он ей улыбнулся? И ещё думала о том, насколько неуютно, оказывается, жить в доме, где чужое, даже самое крошечное сочувствие напрочь выбивает тебя из колеи. Как она будет жить, зная, что кто-то может ей так искренне улыбаться?

К вечеру она снова обошла весь дом. И даже в отцовский кабинет заглянула, хотя обычно старалась держаться от него как можно дальше. Но тёмные дубовые панели и современная хромированная мебель хранили тишину. И длинные коридоры особняка, и светлый зал официальных приёмов, и столовая, и игровая, и даже бассейн – нигде вчерашнего охранника не было.

Васька решила, что это к лучшему. Спокойствие поможет ей существовать дальше. Чужеродный элемент убран из сети, и она сможет функционировать как прежде, в сомнамбулическом состоянии.

* * *

Васька вздрогнула и подняла голову. Какой-то резкий звук выдернул её из воспоминаний, как луковицу из земли.

Она медленно осмотрелась. Над ручьём чуть ниже по течению сверкали брызги воды, которая билась о камни на перепадах высоты. Вокруг то и дело сновали местные суслики. Но звук был другим, не от них. Васька пристально уставилась на заросли по ту сторону ручья. Если это кто-то из девчонок, почему опять стало тихо? Они ведь всегда топают так, словно хотят оповестить о своём появлении все окрестности. Если уж начали шуметь, не остановятся.

Мальчишки ходят гораздо аккуратней, но тоже не особо стараются хранить тишину.

Ни те, ни другие не стали бы так делать – громко двигаться и вдруг замирать, и даже переставать дышать. Нет, это определённо не студенты. Тогда кто? Неужели какой-нибудь местный зверь? Но Зои и Кира говорили, что больших животных в окрестностях нет. А судя по звукам, животное должно быть размером с человека.

Васька поёжилась.

Может, на всякий случай стоит вернуться к костру?

Подумав пару минут, она отказалась от этого плана. Если она расскажет, что кто-то шумит в лесу, и не впервые, остальные покрутят пальцем у виска. Скажут, что ей мерещится. Васька временами и сама так считала. Особенно когда пару дней назад увидела в листве местных деревьев быстрый отблеск, как от камеры, которой снимают с дрона. Она так разволновалась, что даже вскочила на ноги и почти бросилась вперёд. Но отблеск пропал, в мельтешении листьев и веток ничего больше было не разглядеть, и тишина… в общем, рассказывать об этом происшествии Васька никому не стала. Поверить не поверят, а засмеют без вариантов. Алмазка ещё и обзываться будет, гадости всякие говорить. Ваську не очень задевали слова Алмазки, после отцовских-то, но всё равно было неприятно, что остальные слышат. Разве любой нормальный, умный человек не обидится на такие злые слова? Ваське всё равно только потому, что она дура и не понимает, как её оскорбили. А за оскорбление нужно мстить.

Пока она вспоминала уже эти случаи, в лесу снова захрустело. Сильно. И стали слышны настоящие человеческие шаги.

Теперь ни с чем иным не спутаешь. Васька невольно задрожала. Почему? Это ведь наверняка кто-то из лагеря. Но почему так далеко? Почему они на время затаились? Почему они идут со стороны леса?

Ничего необычного. Пошли за продуктами, сделали крюк и вернулись. Логично же.

Но Васька не смогла успокоиться. Наверное, это признак отсутствия ума, когда разум говорит: ничего страшного, а ты всё равно боишься и убегаешь. Не слышишь свой разум. И сейчас она не выдержала, развернулась и побежала к

костру. Оказавшись среди людей, постаралась сделать вид, будто ничего не происходит. Поднялась на площадку у катера и села там подальше от остальных, чтобы не приставали с расспросами или насмешками. И только тогда вздохнула с облегчением.

От ручья на площадку то и дело поднимались студенты. Некоторые с добычей – тащили собранные корни и плюшки. И грибы. Васька ненавидела грибы, но рано или поздно всё равно придётся их есть. Так вот… каждый из них мог идти тем путём и быть тем самым человеком, чьи шаги Васька слышала. Это точно был кто-то из них! Но эта мысль её совсем не успокаивала.

Вечером, перед сном, прижимаясь к Зои и закрыв глаза, Васька снова вспоминала…

* * *

Охранник вернулся через два дня, и с тех пор вёл себя примерно. Играл роль деревянного истукана, добросовестно отрабатывающего свои деньги. Вначале Васька почувствовала нечто, похожее на сожаление, но это быстро прошло. Не стоит привязываться к незнакомцам. Чего можно ждать от них, если даже твой собственный отец – настоящий монстр?

Жизнь текла, как прежде.

Потом наступили какие-то праздники – Васька даже не знала, какие. Знала только, что придется сидеть дома, вместо того чтобы пойти в АМК-у. И самое паршивое – отец тоже будет дома. Это у него бзик такой – уверенность и демонстративное убеждение, что праздники следует встречать в узком кругу семьи. И Васька была вынуждена сидеть с ним за одним столом и держать на лице радостную гримасу, и смотреть потом на эти фотки фальшивого благополучия на страницах в социальных сетях отца и в официальных презентациях корпорации. Образцовая семья. Преуспевающий бизнесмен мирового уровня и его дочь – хотя и полная дура, зато шикарно одетая и облизанная стилистами и косметологами.

И вот снова настали праздники. Васька их не любила, от слова совсем. Но кто спрашивал её мнение? Хоть раз?

Приходилось просто терпеть: рано или поздно любые праздники заканчивались, и можно было уехать из дома в АМК-у, чтобы отвлечься и отдохнуть. А пока нужно просто превратить неотвратимое в более-менее терпимое.

Васька хотела успеть поплавать в бассейне до праздничного ужина. Когда ты в воде, вода многое смывает, многое смягчает, многое стирает.

В тот день она потеряла счёт времени. Просто лежала на спине, смотря в потолок, по которому скользили световые блики, – можно сказать, парила и ни о чём не думала.

А потом раздался рёв. Папаша явился.

Васька послушно вылезла из воды, обернулась большим полотенцем и стала пережидать очередной приступ отцовского недовольства.

В этот раз он длился дольше обычного. И хотя эффекта особого не оказывал, Васька через несколько минут задрожала. Ей стало зябко и очень некомфортно. Когда человек практически раздет, ему уже некомфортно, а уж если при этом с него стекает вода, и на него орут…

Когда отец ушёл, Васька попробовала пошевелиться. Мышцы затекли, пальцы не сгибались. Полотенце соскользнуло с плеч и упало к ногам. Васька почему-то даже не могла нагнуться, чтобы его поднять. Только голову опустила, и мокрые пряди облепили лицо, как змеи, а мокрая ткань чёрного купальника неприятно холодила кожу, отчего всё тело покрылось мурашками.

Тут раздались почти неслышные шаги. Тот самый охранник. И откуда взялся?

Он подошёл, поднял полотенце и молча накинул Ваське на плечи, стянул края и ждал, пока Васька схватит их и будет держать.

В этот раз он не улыбался, и ничего похожего на выражение «ах, эти безумные родители» на его лице не было. Наоборот, он был очень хмур. Губы сжаты, крылья носа подрагивают, глаза прищурены. Ваську заворожило его лицо – оно было настолько живым, эмоциональным, будто под коркой льда бурлит вулкан. И однажды рванёт.

Охранник отступил и только тогда посмотрел Ваське в глаза. Каким-то очень даже откровенным взглядом. Теперь, когда он не улыбался, черты его лица словно стали острее, опасней. И гораздо притягательней. Сила всегда манит.

Она почувствовала, как щёки заливает краска стыда за свою чисто женскую реакцию и буркнула:

– Мы с тобой не друзья!

– Конечно, куда уж мне, – язвительно ответил он. Потом вернул на лицо маску «ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу», отступил и ушел.

На праздники охраны в доме оставалось меньше, поэтому нарушения субординации с его стороны никто не заметил. Васька вздохнула с облегчением. Она не хотела, чтобы охранника наказали.

Через три часа должен был состояться праздничный ужин, на котором в большом зале за огромным столом будут присутствовать только Васька и отец. Вдвоём, но при полном параде: Ваську в малой будуарной гостиной уже ждала целая команда стилистов и косметологов. Несколько часов подготовки… для чего? Гостей отец не любил и приглашал лишь в крайних случаях. Обычно они сидели за столом вдвоем, по чуть-чуть пробуя огромное количество блюд, которых хватило бы на весь курс АМК-и, молчали, а спустя час, когда отец выпивал достаточно и решал, что вечер окончен, расходились по своим апартаментам. Очень редко бывало, что к ужину присоединялась текущая любовница отца, если та оказывалась достаточно настырной, чтобы настоять на совместном проведении праздника.

Тогда Васька наблюдала за ней. И пыталась угадать: эта нынешняя подруга встречается с отцом из-за денег, или он действительно ей нравится? Отец отлично выглядел для своих сорока лет – должна же найтись женщина, которая его полюбит по-настоящему? Тогда отец займётся ею и оставит, наконец, Ваську в покое.

К сожалению, отец становился старше, а возраст его подружек оставался на прежнем уровне – не более двадцати. Только однажды Васька видела с ним ровесницу – женщину, которая и сама была далеко не бедной. И главное, она улыбнулась Ваське по-настоящему, и говорила с ней ласково… но отец с ней

почти сразу же расстался. Васька тогда расстроилась. И лишний раз убедилась, что никогда ничего не изменится. Её судьба – вечная заложница отцовского имени и амбиций.

Этот охранник чем-то неуловимым напоминал ту женщину, о коротком знакомстве с которой Васька вспоминала с теплом. Чем-то они были похожи. Не внешностью, нет – тут ничего общего. Взглядом. Искренними чувствами, которые проскальзывали сквозь маску, которую они не привыкли носить. Каким-то внутренним светом.

Возле них хотелось быть… Но не судьба.

Васька подготовилась к ужину – а именно, два часа сидела на месте и шевелилась только когда просили – и перед самым началом отправилась прогуляться в оранжерею. Правда, по пути обошла все точки, где базировалась охрана.

Васька застукала его, когда парень, вежливо улыбаясь, открыл дверь перед служанкой, чьи руки были заняты тележкой для уборки. Просто и буднично кивнул ей и помог, хотя проще было отморозиться, как делали все остальные.

Посмотрев издалека, Васька спряталась в тень и боком, под стеночкой, вернулась к столовой. Стыдясь, будто совершила что-то непозволительное.

Ужин в этот раз получился не таким уж невыносимым. А всё потому, что Васька думала об охраннике. Интересно, как его зовут? Надолго ли он тут задержится? Вроде отец платит очень хорошо – он сам объяснял, почему, когда учил Ваську управлять домом. В очередной раз учил тому, чего она так и не осилила. Платить нужно хорошо, чтобы в твой дом стояла очередь из первоклассных кандидатов. Тогда можно выбрать, кого угодно, тогда можно требовать, что угодно – и получать. Так что платили наверняка хорошо. Но у людей бывают и другие причины менять работу. Будет жаль, если он уйдёт, и в доме станет совсем пусто.

Она была так рассеянна, что даже не заметила, как отец перестал говорить. Очнулась от гнетущего молчания. Отец пристально смотрел на Ваську, его глаза щурились, будто он что-то подозревал.

– Что-то случилось? – спросил он обманчиво-спокойным тоном.

– Нет, папа, всё хорошо.

– Значит, я не говорю ничего настолько важного, чтобы слушать? – тут же процедил он.

– Прости. Скоро выпускные экзамены в АМК-е… я задумалась.

– Чего тебе переживать? Все экзамены я куплю. Как и всегда!

Отец зло бросил вилку и нож, они сердито звякнули о фарфор.

Васька покаянно опустила голову и продолжила думать о своём. Раньше она не размышляла, как выглядит в глазах прислуги. Какое ей дело? А сейчас вдруг взглянула на себя со стороны. Картина ей не понравилась. По дому ходит чт-то инертное и бесхарактерное, и оно больше напоминает домашнее животное, чем человека.

Это… это было больно видеть.

Лицо у Васьки стало очень расстроенным и, видимо, вовремя. Отец остался доволен.

Перед сном Васька хотела снова пройтись и взглянуть на охрану… но не стала. Она такая жалкая. Домашнее животное своего отца…

* * *

С такими мыслями Васька засыпала в тот вечер, с ними же заснула и сейчас, рядом с Зои, так далеко от дома, что сердце радовалось! Да ещё теперь, когда первый ужас от осознания катастрофы прошёл, и всё стало налаживаться. Было непросто адаптироваться, но Васька смогла. И даже стала думать, что, вероятно, всё к лучшему. Она научилась тому, чему никогда не научилась бы при своём прежнем образе жизни, когда ты и рта открыть не успел, а туда уже суют еду. Научилась стирать свои вещи. Искать пищу и рассчитывать, чтобы её

хватило как можно подольше. Научилась обходиться без всего, что придумала цивилизация.

И даже научилась жить, будто бы не было Его. Кажется.

Впрочем, жизнь не давала спуску! Только Васька решила, что все страхи позади, как студенты отравились. Часы, когда она думала, что осталась одна, словно стёрлись из памяти. К счастью. Ведь представлять, как ты существуешь тут в одиночестве… просто пытка. К ней вернулся страх. Не за себя – за крошечную невинную жизнь, которая никому, кроме неё, не дорога. Пришлось собираться со всеми своими небольшими силами, чтобы успокоиться.

Потом очередная нервотрёпка – водоросли. То, как разумные люди могли массово набрасываться на эти растения с глазами, полными какой-то дикой бессмысленности, просто не укладывалось в её голове! И ещё более нелепым выглядело то, что они ничего особенного в этом не видели. А Васька видела… как они понемногу теряют человеческие черты. И это – первый шаг к деградации.

А когда вроде бы всё снова успокоилось и оказалось, что появление водорослей для них благо – появился этот проклятый запах…

* * *

Через два дня охранник влип в неприятности. Ушёл со своего места базирования, чтобы помочь очередной служанке разблокировать дверь, которую некстати заело. Васька наблюдала со стороны, как служанка, молодая девчонка, его упрашивает. Как она улыбается и вздыхает, показывая движениями, как дёргала дверь, но та всё равно не открывается. Охранник не сразу, но согласился. И как раз в это время мимо проходил начальник охраны, его Васька знала хорошо – квадратный такой дядька с белым ёжиком волос и тяжёлой челюстью. И он застукал своего подчинённого за фактом нарушения должностной инструкции. За такое нарушение сразу увольняли. Васька помнила, как однажды отец выговаривал начальнику охраны за то, что возле его кабинета не оказалось человека, который там должен был быть. Они не должны позволять себе отлучаться ни на минуту! И даже если отходят в туалет, кто-нибудь должен их подменять.

В общем, охранник встрял. Когда он вернулся, начальник тут же принялся ему что-то говорить – вроде негромко, но Василиса знала: выгонит. Выпнет! Ведь за воротами очередь из первоклассных кандидатов.

Это казалось ей несправедливым. Ладно бы, охранник отлучился с важного места, оставил без присмотра хозяина – это одно. Но он ведь просто наблюдает за коридором, и вокруг ещё с десяток людей из охраны; одним больше, одним меньше – особой роли это не играет. А если учитывать автономную систему ИИ-охраны, то все эти живые люди становились лишь способом подтвердить свой высокий статус.

В общем, лицо у парня посерело, он сжимал зубы и терпеливо слушал. Ваську словно током ударило! Может, она так же выглядит, когда стоит напротив отца: хотела бы сказать многое, но не скажет ничего.

Она, не подумав, бросилась вперёд и вмешалась.

– Это я приказала ему отлучиться, – непреклонным тоном сообщила Васька начальнику охраны. И уж конечно, не стала добавлять, куда и зачем – не его ума дело. И замолчала, всем своим видом давая понять, что не довольна. Даже не важно, чем. Просто не довольна, и всё!

Начальник был вынужден извиниться и уйти. Его спина так и пылала яростью, но он молча удалялся, потому что не тешил себя иллюзиями, будто можно идти наперекор Василисе. Как бы собственный отец к ней ни относился, от наёмного персонала он не терпел ни малейшего нарушения субординации. Мог выгнать любого.

Дождавшись, пока спина начальника охраны уберётся с глаз долой, Васька собиралась тоже уйти. Развернулась, даже не посмотрев на охранника. И вздрогнула. С недоверием посмотрела вниз, на свою руку.

Охранник держал её за запястье. Его пальцы почти впились в кожу, хотя и не больно.

– Завтра в восемь в клубе «Кислый век». Буду тебя ждать.

Потом он отпустил Ваську и, как ни в чём не бывало, отправился на место своей дислокации. И когда она уже подумала было, что ей послышалось, слегка обернувшись, охранник подмигнул. Его улыбка словно осветила собой этот мерзкий дом. Словно за мгновение придала стенам больше уюта, чем все дизайнеры, вместе взятые.

Васька всю ночь не спала. Она просто не знала, что происходит. Её никогда прежде никуда не приглашали. В смысле, молодые люди, почти ровесники. Ну конечно, не считая пачки приглашений, отправленных секретарями детей всех папиных компаньонов. Как и от её имени несколько раз в год приглашали десятки гостей на какие-нибудь развлечения. Она и сама эти вечеринки не каждый раз посещала. Вся молодежь её круга знала, как это устроено.

Но вот такое приглашение, лицом к лицу, она получала впервые.

И это вообще было что? Неужели её пригласили на свидание?.. Да нет, не может быть. Они ведь слишком разные… Или может? Он – парень, она – девушка, и всё, что между ними случается, нормально и естественно. Остальные преграды придумали люди, горы препятствий собственноручно навалило общество. Так ведь?

Но он работает в её доме, живёт на деньги её отца. Это точно не нормально.

Васька долго думала и под утро решила, что никуда не пойдёт. Нет, исключено. Если это свидание, то ни к чему хорошему они все равно не придут. Если просто дружеское спасибо – ей друзья не нужны. У Васьки есть всё, что только можно пожелать. С людьми ей не интересно. Куда лучше уйти в сериальный зал, включить какую-нибудь историю, которая развернется вокруг тебя, и в которой ты даже сможешь поучаствовать. И пусть люди в этих сериалах не настоящие, зато пока длится фильм, она чувствует себя живой и счастливой.

Но когда Васька вышла к завтраку, она увидела за столом бабку, мать отца. И поняла: в клуб она пойдёт.

Бабку Васька тихо ненавидела. Старуха молодилась изо всех сил, но от этого выглядела только более высокомерной и жалкой. Ваську она терпеть не могла. Смотрела всегда с отвращением, и своим тонким голоском, который считала аристократическим, говорила только гадости, пусть и хорошо завуалированные.

Она с рождения купалась в роскоши, никогда не работала и считала себя «голубой кровью» только потому, что повезло родиться в семье с деньгами. За людей она считала только тех, кто из её круга. Отца бабуля родила в очень солидном возрасте, да и то только потому, что иначе прадед обещал оставить её без гроша за душой. Поэтому отец для бабки был не только единственным любимым сыночком, но и билетом в жизнь, которая ей была предназначена самой судьбой. И никто, никто не смел подвергать сомнению то, что бабка у отца на первом месте, важней всех прочих. И как же печально, что единственная внучка пошла в свою мамашу, а не в их прекрасную породу, драгоценную семейку. Это ужасно, просто немыслимо! И с этим всем им придётся как-то жить.

Однажды Васька была в парке-серпентарии с самыми редкими и опасными животными мира. И видела там медузу. С ноготь величиной. Но эта медуза убивала одним прикосновением своего щупальца.

Бабка была такой же.

Васька и семь кругов ада прошла бы, только бы не присутствовать на ужине с отцом и бабкой, поэтому выбрала клуб. Никого не предупреждала – отец точно запретит, а просто оставила пометку в своём календаре. Когда Васька не появится за столом, отец полезет шариться в её сетевых аккаунтах, от которых имеет все пароли, и увидит в календаре запись «запланирована встреча с друзьями». Рассвирепеет, конечно, да и друзей у Васьки никогда не было, и ничего подобного она себе раньше не позволяла, но это лучше, чем написать «встреча с молодым человеком». Или, что ещё хуже – свидание. Сердце Васьки замирало, когда она произносила про себя это восхитительное слово. И оглядывалась с испугом, будто кто-то может услышать мысли и доложить о небывалом преступлении главе семейства.

«Кислый век» по описанию в сети оказался баром с уклоном в старину. Так называли тот самый век, который люди провели в жесточайших ограничениях из-за опасных вирусов, плодившихся друг за другом. Потом медицина настолько развилась, что необходимость в карантине и любых других запретах отпала. Но о том времени принято вспоминать с сожалением – мол, какие несчастные! Ничего, кроме стен, не видели. Судя по интересным фактам из сети, именно тогда появились люди-куколки, которые практически всю жизнь, с самого рождения, проводили, погружённые в виртуальную реальность, ни разу не то что никуда не съездив, а даже не выйдя на улицу! А остальные сосредоточились на украшении и комфорте своих домов, пытаясь разнообразить скуку, да на

огромных экранах, по которым общались с друзьями и родственниками. В то время самыми любимыми цветами населения были ядовитые, кислотные оттенки. В общем, тематика бара была именно такой. Ваське даже интересно стало, как он оформлен. И одеваться для посещения бара следовало в соответствующую эпохе одежду: бесформенный огромный балахон с капюшоном, тёплые чулки и огромные мягкие ботинки с плоской подошвой – угги.

Васька сделала экстренный заказ в сетевом магазине и вскоре примеряла балахоны. Оказалось, они смотрятся классно! И в них удивительно удобно двигаться! Каждый сделан не просто так, а в виде животного. Например, один был серый, махровый, с глазами енота на капюшоне и с полосатым хвостом. Когда Васька его надела, сразу поняла: то, что нужно.

В клуб она выехала заранее, но всё равно чуть-чуть опоздала. Хорошо, что там не было предварительной записи и очереди у двери, так что внутрь мог попасть каждый желающий.

Вход был обычным: дверь да навес от непогоды, вокруг ни души. Она попросила водителя заехать за угол и остановиться на соседней улице, и пошла к клубу пешком. Охрану не взяла. Отец и за это будет ругать, но Васька включила комплекс электронной охраны – пеленгатор, защитный обруч с разрядом, способным остановить нападающего, и с кучей других примочек, из-за которых навредить ей было бы крайне сложно. Он был не очень удобный, но, к счастью, легко прятался под балахоном. Отец, конечно, сможет увидеть, где она, но вытаскивать её отсюда не посмеет. Вероятно, как-нибудь накажет её за эту выходку – за то, что она без разрешения не явилась на семейный ужин… но это будет уже не важно.

Васька сделала всё, чтобы выглядеть, как обычная посетительница клуба. Очень не хотелось, чтобы кто-нибудь её узнал, поэтому она постаралась стереть все следы той, публичной Василисы. Не притронулась к украшениям и дорогим гаджетам. Стянула волосы в высокий хвост и не наложила макияж – так, только блеск для губ и немного освежающей туалетной воды. В Кислом веке люди всегда и везде ходили в таком виде, будто находились у себя дома. Говорят, в этот клуб даже в пижаме можно заявиться. Васька не рискнула бы, но была уверена, что там найдутся гости в неглиже.

И правда, не успела она войти, как мимо прошёл парень в пижамных штанах и пушистых тапках. С ним была девушка в кигуруми – костюме животного, так что Васька убедилась, что оделась правильно.

Живой охраны не было вообще. Оно и понятно: труд живых людей стоил невероятно дорого, не каждый мог себе позволить. Куда проще купить интеллектуальную охранную систему с тревожной кнопкой. В клубе было очень светло, но зал не один, а словно вереница сарделек, обёрнутых вокруг пустого постамента. Везде какие-то загородки из игровых аппаратов, столики, диванчики, множество людей и животных. Кучи котов и маленьких собачек, клетки с крысами и хомяками. Рыбки. Бестолково и очень уютно.

Музыка тоже разная, идёшь – и одна мелодия сменяется другой. Но клуб оказался не танцевальным. Люди просто общались. Болтали, смотрели фильмы, ели, играли с собаками и валялись на диванах.

Некоторые рисовали или складывали что-то из конструктора. У Васьки был похожий, только круче – двести пятьдесят тысяч деталей, настоящая сказочная страна в полный рост ребёнка десяти лет. Помнится, отец приглашал специально обученных людей, которые помогали Ваське его собрать.

Тут к ней подлетел официант, который выглядел как принц в белом костюме и с золотой шевелюрой. Васька не сразу сообразила, что это парик.

– Добро пожаловать! Куда вас проводить?

Васька впервые задумалась: а куда ей, собственно, идти?

– Меня ждут, – сказала она.

– Кто?

А и правда, кто? Васька вытаращила глаза, но вместо ответа лишь рассмеялась. Она не знала его имени!

– Может, провести небольшую экскурсию, или подождёте в центре, у бара? – предложил официант.

– Не стоит, она со мной.

Васька резко обернулась. Охранник. Правда, совсем уже не тот…

На нем была похожая на Васькину толстовка длиной почти до колена с кошачьей мордой на капюшоне. Рукава заканчивались лапами, а позади болтался хвост – такой же полосатый, как её собственный. Только рыжий.

– Пошли, нас уже ждут.

Он крепко схватил Ваську за руку и куда-то потащил. Так по-свойски, словно имел на это полное право.

– Ждут? Стой!

– Некогда! Начнут без нас.

– Что начнут?

Ваське было и смешно, и немного не по себе. Первого больше.

– Ну, играть же, играть!

– Стой!

Он, наконец, остановился. С видом «ну когда уже это всё закончится» обернулся к ней. Кошачьи усы на его толстовке недовольно топорщились, а серые глаза довольно смеялись.

– Как тебя зовут? – спросила Васька.

– Зови меня просто: мой господин, – он тут же внимательно посмотрел на неё и, отвернувшись, фыркнул. – Нет, я не безумен. Я пошутил. Привыкай, мои шутки не очень смешные. Но что поделать, я постоянно пытаюсь развить своё чувство юмора. Пока не выходит. А так – меня зовут Данила. Теперь пошли, а то, и правда, не успеем.

Надо же, у него имя тоже устаревшее, как и у неё самой. В старых сказках есть такие персонажи. Василиса премудрая и Данила-мастер. Про него, может, и совпало, а вот её жизненный персонаж сказочному – прямая противоположность.

Пока она думала, охранник Данила дотащил её до одного из круглых столиков, за которым уже сидели пять человек. Вокруг стояли высоченные черные ширмы с алыми цветами, и ходил белоснежный кот с коротким хвостом.

– Раздавай! – крикнул Данила издалека.

– Во что мы будем играть? – спросила Васька.

– В карты.

– На деньги? – сердце похолодело. Хотят обманом выудить у нее деньги?

– Вот ещё. Ради самого процесса, конечно же.

Охранник подтащил её к ближайшему диванчику, укрытому пледом ужасных кислотных цветов, и как-то так отпустил, что Васька упала, мгновенно погрузившись в него до комфортной позы. На широкую столешницу напротив уже легли карты в не менее ярких рубашках. От обилия кислотных цветов в глазах зарябило.

– Это Василиса, – не отрывая взгляда от карт, сказал охранник. – А это Гиббон, Патерсон, Вилка, Юла и Светлана. Ну, начали.

Васька быстро переглянулась с остальными. Все ей улыбнулись. Как будто они давно знакомы. На девчонках красовались такие же балахоны, как на ней, только с драконами, а на парнях просто серые безразмерные хламиды. Но зато у одного вокруг шеи был намотан длиннющий разноцветный шарф, а у второго были декоративные наушники в виде пушистых зайцев. Причёсок ни у кого не было – волосы выглядели так, будто они только проснулись и вылезли из кровати. Васька быстро взглянула на Данилу, который сел рядом и с наслаждением вытянул ноги, одновременно оттолкнув ими кота. Тот демонстративно повернулся задом. Волосы у Данилы были короткие, но тоже

растрёпанные. И кажется, специально. Надо же, она со своим простым хвостом тут словно на параде.

– Давайте, вливайтесь, только вас и ждали, – сказал Гиббон и заглянул в свои карты. Возмущённо фыркнул.

– А что нужно делать? – спросила Васька, глядя на стол. Только её карты ещё лежали на месте, остальные игроки свои уже подняли и жадно разглядывали. Вилка даже ноготь грызла от волнения.

– Я покажу, – Данила отложил свои карты и схватил её. – Всё просто. Есть два типа карт – магия и существа. Вот магия. Вначале ходишь, магию набираешь, на неё существ вызываешь. Ими дерешься с остальными. Всё просто.

– Да уж, – сказала Васька с сомнением.

Всё оказалось совсем непросто, но очень увлекательно. Данила ей постоянно помогал, практически играл за двоих. В результате проиграл и он, и Васька, но сам процесс того стоил.

За два часа они сыграли три партии, съели кучу пицц и роллов, выпили тьму-тьмущую газировки и кофе.

Это было здорово. Васька пребывала в тихом восторге от компании и такого, вроде бы, на первый взгляд, незатейливого занятия, которое по факту захватывало похлеще современных виртуальных игр. Но больше всего её тронуло, что никто не знал её социального статуса. Судя по разговорам, Данила никому не сказал, что она дочка его босса, что он на них работает. А в конце вечера, после игры, когда все скидывались, он заплатил за неё. Васька пыталась возразить, что сама может за себя заплатить, но Данила только рукой махнул.

– Я же тебя пригласил.

– Правильно, нечего! – заявили девчонки. – Пригласил – пусть платит! Все так делают!

Тогда Васька пожала плечами и согласилась. Они ещё перекинулись парой шуток, пригласили Ваську приходить снова, и Данила сказал, что им пора уходить. Остальные остались смотреть какие-то рисованные мультики.

Они вместе пошли к выходу.

– Это твои друзья? – спросила Васька.

– Да. Сетевые.

– Сетевые?

– Ну, мы встречаемся только для игр в этом клубе. Нашли друг друга по интересам. А в жизни не общаемся.

– Надо же! А так разговариваете, будто сто лет знакомы.

– Ну, так мы уже несколько лет периодически играем. Многое знаем друг о друге. Бывает, кто-нибудь исчезает на несколько месяцев, потом снова появляется. У нас тут настоящий игровой клан, только в реальности.

Они вышли на улицу, сделали несколько шагов прочь от входа.

– Где ты оставила машину? – спросил Данила.

И сказка закончилась. Снова вернулись былые роли. Охранник и его рабочий объект.

– Там, за углом.

– Доведу до угла, а дальше сама, да? Ты же не хочешь, чтобы нас видели? – не оборачиваясь и не показывая лица, спросил он.

Васька об этом не думала, но если подумать – нет, не стоит, чтобы их видели вместе. Данилу тогда сразу уволят. Сразу же!

– Да, лучше не надо.

Они шли, еле-еле переставляя ноги, будто не хотели, чтобы этот чёртов угол приближался. Но двадцать метров – слишком небольшое расстояние, чтобы пытаться его растянуть. Вот и угол.

– Спасибо… за все, – почти заставила себя сказать Васька, поравнявшись с поворотом. Потом обошла Данилу, который остановился за пару шагов до этого.

– И тебе.

– Мне за что? – она удивлённо повернулась к Даниле. Вдруг оказалось, что он очень близко. Васька стушевалась, смущённо улыбнулась и отодвинулась.

– За то, что пришла.

Васька неловко кивнула. Она очень смутилась: почему-то наедине с ним было гораздо сложнее разговаривать, чем в компании людей. Да и он стал другим. В клубе вёл себя дурашливо и весело, не то что сейчас – будто сам себя конвоирует. Каждый шаг, каждое движение – под строгим контролем. В глазах блеск, а губы сжатые и строгие.

Дальше она пошла одна, а Данила остался стоять на месте и смотреть ей вслед.

Глава 2

Изнанка

Вечер был таким чудесным, что Васька даже внимания не обратила на выговор от бабки, которая, оказывается, рассчитывала на проявление со стороны внучки хоть какого-то элементарного уважения! Или хотя бы малейшей благодарности за всё то, что бабка для неё сделала!

Васька про себя подумала, о какой, интересно, заботе со стороны бабки идёт речь? Она никогда не возилась с Васькой, пока та была ребёнком, да и теперь ограничивалась лишь нотациями. Сразу понятно, в кого отец. Ни разу к ней даже не прикоснулась. А расписывает всё так, будто ночей не спала – Ваську укачивала, не доедала и не допивала!

Отец тоже устроил головомойку. В час ночи. Вернулся от очередной своей подружки – и сразу к Ваське. И про отношения внутри семьи речь завёл, и про обед, на который она посмела просто не явиться! Это, по его мнению, верх цинизма! Забыть про свою семью – единственных родных людей на свете? После всего, что они с бабкой для неё сделали!

И Васька стояла босыми ногами на полу, привычно рассматривая рисунок паркета, чтобы глаз не поднимать. А думала о другом. Вспоминала Данилу и его глаза, круглые от возмущения, когда карты не шли, и хитро прищуренные, когда он был доволен раздачей. И то, как он хмыкал, когда придумывал, с какой карты ходить, и как уверенно блефовал, хотя на руках ни одного полезного существа…

Когда отец выдохся и ушел, Васька забралась в свою мягкую, пахнущую цветами постель, обняла подушку и счастливо улыбнулась.

Так всё и началось. И сразу покатилось, как колесо с горы – с бешеной скоростью. Только ветер в лицо, и мир несётся навстречу, а ты ничего не можешь сделать – лишь смотреть и улыбаться.

Днём Данила играл роль статуи, хладнокровно скользя взглядом мимо Васьки, а вечера они проводили в клубе. Вместе. Правда, теперь Васька платила за себя сама – настояла, и Данила согласился.

Не всегда играли в карты, иногда во что-нибудь другое. Смотрели фильмы. Участвовали в местной лотерее. Слушали музыку и учились воспроизводить какие-нибудь дурацкие танцы.

Остальные члены компании тоже часто тут бывали. За ними интересно было наблюдать. Такие разные, смешные, слегка бестолковые… Они никогда не мерились достижениями. Это была какая-то запретная тема. Все разговоры только о клубе и о текущем времяпрепровождении.

Конечно, чаще всего Васька наблюдала за Данилой. Иногда по полчаса глаз от него не отводила. Остальные этого тактично не замечали.

Данила легко сходился с людьми. Не раз знакомился с другими посетителями клуба – и парнями, и девушками – и все они были от него без ума. Ещё бы, Васька прекрасно их понимала. К его бьющему ключом жизнелюбию слетались как мотыльки на огонь.

Видимо, это была дружба. Васька, хотя её сердце и замирало возле Данилы, была согласна на дружбу – главное, чтобы это ощущение счастья никогда не проходило. Конечно, оно немного горчило от осознания того, что ты не нравишься ему так же сильно, как он нравится тебе… но даже такая дружба лучше, чем ничего.

А потом одним вечером всё вздрогнуло, как от удара, и встало на свои места.

Данила, как обычно, провожал её к машине и за несколько шагов до поворота остановился. Сегодня они задержались дольше обычного: партия вышла длинной, к тому же он выиграл, и компания отмечала этот редкий, практически небывалый случай шоколадными кексами. Теперь в переулке сгущались фиолетовые сумерки, а лампы фонарей беззвучно покачивались на ветру, косо расчерчивая асфальт светлыми, словно расплывающимися пятнами.

– Спасибо, что пришла.

Он каждый раз это говорил.

Васька, как обычно, улыбнулась, неловко отвела глаза, даже сделала шаг прочь… а потом почему-то повернулась к нему снова. Так, как не делала раньше.

Просто утром она уезжала на целые сутки, и ей до боли захотелось сделать ещё один глоток его обаяния, чтобы хватило до новой встречи. Сейчас, когда вокруг больше никого, кто на него претендует.

Фонарь, словно живой, отшатнулся и оставил их в полумраке. Всего несколько секунд глаза в глаза – и жар вспыхнул, выдавая друг другу общий секрет.

И он сорвался. А может, она – кто знает? Данила схватил её, почти смял в крепком объятии и отчаянно поцеловал. Сразу сильно, нахрапом, как бывает, когда больше нет сил терпеть.

Ваську словно вихрем подхватило. Но она не плыла по нему, как вялая рыбина, а целовала в ответ. Не могла удержаться, остановиться. Кажется, она ему всё же нравится. Хотелось немедленно воспользоваться случаем, погладить и потрогать его везде, куда только достанут руки, узнать, какой он на ощупь. И на запах. И на вкус.

Всего… ей хотелось всего.

Он сжал её за бедра и прижал к стене прямо там, не разрывая поцелуя, а потом остановился, застыл, только напряжённые мышцы дрожали. Освещённый переулок, постоянно ходят люди… стоило чуть подумать, и становилось ясно, что здесь не место и не время для таких объятий.

– Чёрт, – ругался Данила как-то отчаянно, продолжая её обнимать и тяжело дыша. Его глаза стали большими и глубокими, он смотрел в упор и не моргал. – Не могу. Я не могу оставить между нами только дружбу. У меня от тебя крышу сносит. Я пытался, правда. Твою же дивизию! – он всё же убрал руки и сжал кулаки, зажмурилась, будто от ярости боялся пошевелиться. – Ты… мы же словно разные вселенные – такие, как мы, никогда не пересекаются!

Васька задрожала. Он всё понимал – стоило ожидать, вроде не дурак. И она понимала. Но ей было всё равно.

Данила медленно выдохнул и открыл глаза. Посмотрел прямо. Его лицо разгладилось, он легко и невесомо улыбнулся. Кошачья морда на его капюшоне словно прищурилась.

– Но мне наплевать, – твёрдо сказал он.

* * *

Васька очень часто вспоминала его в последнее время. Слишком часто.

В лагере постоянно что-то происходило. То Саблезуб вернулся, и настал вечный комендантский час. Пришлось искать компанию, чтобы не попасться кому-нибудь из Саблезубовой компашки на глаза. Как бы Васька ни любила одиночество и ни избегала людей, оказалось, иногда чья-то компания бывает приятной. Когда она проводила время со Снежкой, перебирая траву и слушая цикад, она словно возвращалась в те вечера игры в карты. И становилась почти такой же счастливой.

Правда, там всё было обманом. А зато тут – нет. Снежке не было необходимости обманывать Ваську – что тут можно с неё поиметь? А дома у Снежки у самой всего полно…

То Огонь с Саблезубом ушли искать корабль. Потом за ними рванули Зои со Снежкой. Васька тогда осталась почти одна… но не совсем. Ночевали они вместе с Вафлей. Подальше от Алмазки, конечно, но всё равно вместе. Так было спокойней – знать, что кто-то рядом, даже если это произошло только по причине отсутствия других дорогих тебе людей. Друзья по несчастью пусть немного, но друзья.

Потом вернулась Зои… и оказалось, что студенты нашли базу. Стопроцентно. И что Огонь со Снежкой уже улетели туда вместе с Кирой на транспортёре.

Это был взрыв. Это был удар. Это был шок.

Всё закончилось. Всё самое страшное позади! Она выжила, выжила! Господи, да это почти невероятно! Сама! Без отца, без громкого имени и безо всех его денег, вместе взятых.

Неужели возможно… возможно жить самой, справляться со всем самой? Ни от кого не зависеть?..

Васька тогда пришла на своё место у ручья, села на землю и дрожала, как банный лист. Ей было здорово, а потом стало страшно – не понятно, отчего. Покопавшись в своих ощущениях, она поняла только, что не хочет отсюда уходить. От этого места у ручья. Разум твердил, что на базе будет гораздо безопасней, и всяко лучше, особенно для ребёнка, но сердце упрямилось. Пусть, что дельного может сказать сердце? Не так давно Васька пообещала себе слушать только свой разум. Конечно, она уйдёт вместе со всеми на базу – без

вариантов. Только нужно немножко привыкнуть к этой мысли.

И этот запах, который в последнее время клубился вокруг… Он накатывал волнами и болезненно будоражил память. Ваську манил этот запах, которого тут никак не могло быть. Аромат его туалетной воды. Васька лично выбирала. Яркий цветочно-кожаный аромат, с ноткой чего-то необъяснимо-непристойного. Единственный подарок, который Данила от неё принял, и то только потому, что ей нравилось, когда от него так пахло. Откуда он мог быть здесь? Ответ очевиден. Значит, точно галлюцинация. Обонятельная. Или фантомные запахи. Такие бывают у людей, чьё психическое состояние нестабильно. Больных неврастенией. Особенно когда дело касается женщин.

Но всё же странно… Васька всегда была до неприличия здоровой.

За те пару часов у ручья, переваривая новость, что теперь у студентов есть база, она пережила, казалось, и взлёты, и падения. Навалилось всё сразу. И ужас, и облегчение. И надежда, и разочарование. Неописуемая любовь к ещё не рождённому существу и холодящий страх за его будущее. Жалость, отвратительная жалость к самой себе и к чувствам, которые она всё ещё испытывала к Даниле.

Но что толку? Все эти яростные по накалу переживания остались в ней, внутри, в пустоте, о них никто и никогда не узнал.

А потом её стали преследовать эти аппараты – ИИ-помощники, которых оставила Кира. Они начали ещё в лагере, зависнув над головой и что-то требовательно пища. И вот Васька убежала и спряталась у ручья, но через время они её настигли.

Вслед на ИИ-шниками явилась Зои. Покачала головой. Васька привыкла, что с ней так обращаются – слегка снисходительно.

– Василиса, тебя нужно осмотреть, – сказала Зои. – Давай здесь, если тебе тут больше нравится, но только обязательно нужно провести осмотр! Сама понимаешь!

– Со мной всё в порядке. – Васька обняла колени руками и попыталась спрятаться. Конечно, смысла в этом не было – от Зои не уйдёшь, тем более она

разумно говорит: стоит провести осмотр.

– Василиса, пожалуйста. Ну, ты же должна понимать, что это нужно сделать, – в голосе Зои звучали сомнения, будто она на самом деле не думала, что Васька понимает.

– Я понимаю.

– Тогда давай осмотримся?

– Давай.

Проще сразу согласиться – так и осмотр скорее пройдёт. Зои скомандовала что-то ИИ-шникам, и первый принялся сканировать Ваську лучами, а второй, с крестом на боку, подлетел и впился ей в руку. Она терпеть не могла уколов в вену – казалось, игла протыкает тело насквозь… Но, конечно, терпела.

Аппараты справились быстро и выдали результаты измерений. Показатели всех необходимых для здоровья и вынашивания плода витаминов и минералов были высокими. Конечно, сделать полноценное обследование в полевых условиях аппараты не могли, но никаких причин для волнения они не усмотрели.

– Ничего себе, – выслушав итог, озадаченно сказала Зои. – Всё в норме! Но почему? С нашим-то образом жизни и рационом! Даже странно.

– Это водоросли, – ответила Васька. Она уже и не помнила, что в последнее время ела, кроме водорослей. Да и история их появления была непростой. Кто-то прилетел ночью и втихую посеял их вокруг лагеря. Ага, как же, так Васька и поверила!

– Вообще я тоже так думаю. Только непонятно… – Зои не договорила. – В общем, Кира напишет, когда за нами вылетит – думаю, это случится довольно скоро. Ты собирайся пока, если хочешь что-то отсюда забрать.

– Я? – Васька испуганно повернулась к ней. И на грани сознания отметила, что запах пропал. В воздухе ничем необычным не пахло. Как только Зои с ИИ-шниками явилась, так аромат и развеялся. Испугался.

– Ну да. Поедешь на базу.

– Нет.

– Нет? – Зои нахмурилась.

– То есть да, конечно, – быстро исправилась Васька. – Только… мы все сразу туда улетим?

– Вряд ли. Думаю, понадобится несколько заходов. Кира сказала, на базе из транспорта только транспортёры, катера нет.

– Тогда я полечу с последней партией.

– Почему?!

Васька перевела взгляд за ручей. Что ей было сказать? Что аромат, который ей тут мерещится, важней, чем база? Вот уж глупости. Никто, конечно, не удивится, услышав такое в её исполнении, даже будут делать вид, будто ничего другого от неё не ожидали, но на базу из-за подобного выступления могут и силком увести. А Ваське очень нужно было остаться. Хотя бы на время. И пусть она снова идёт на поводу у сердца… Но ничего же страшного, если она побудет тут? Какая, по большому счёту, разница?

Васька вздохнула и смиренно ответила:

– Хочу побыть тут, в лагере, пока водоросли есть. Они мне очень нравятся. Думаю, они очень полезные.

Аргументов против такого заявления Зои не нашла. Ушла, конечно, не довольная, но и не злая. А значит, Васька выиграла себе немного времени. Правда, непонятно, на что.

В очередной раз она пришла к ручью, когда улетел транспортёр. С ним улетели все девчонки, даже Дайна, которую ИИ-помощники быстро привели в чувство. Студенты просто опешили, когда ИИ-крест сделал анализ и инъекции антидепрессанта и, по его словам, просто повысил уровень нейромедиаторов

Дайны. И словно волшебство произошло! Конечно, прежней она не стала, но теперь реагировала на вопросы, ходила и сама себя обслуживала. Для всех, особенно для Зои, это было большим облегчением.

И вот вдали замер шум мотора, с непривычки похожий на недовольный клекот большой птицы, оставшиеся студенты разбрелись, кто куда, и пока Зои была чем-то занята, Васька сбежала, чтобы побыть одной. Она подозревала, что Зои надолго её не оставит, так что, можно сказать, настало время прощаться. С этим местом. С ручьём, с водой и с чувством, что можешь самостоятельно справиться со всеми неприятностями. Теперь Васька это понимала. Если набраться смелости, вырваться из паутины, в которую тебя замотал отец, и отодвинуть сам факт твоего рождения в его семье… то всё получится. Хотя бы потому, что иного варианта не останется. Она же хочет, чтобы ребёнок был счастлив? Чтобы вообще знал, кто его мать?

Васька застыла и минуты две не шевелилась, наслаждаясь затишьем.

Как только улетели девчонки, в лагере словно исчезли все звуки. Слишком мало людей осталось.

Зои, кстати, просила её никуда не ходить одной. И Васька согласилась, что лучше так не делать. Но не сдержалась и пришла.

Как всё-таки здесь здорово! Привычная безмятежность живой природы, просто существующей, безо всяких этих человеческих терзаний и метаний. Было приятно чувствовать себя её частью.

Но впереди целая жизнь.

Васька подняла руку и положила на живот. Провела пару раз круговыми движениями. Потом быстро расстегнула молнию и сбросила кофту. Прятаться всё равно больше не от кого.

Живот уже подрос. Упругий и выпирающий, как небольшой мячик. Такой безумно красивый! Васька обхватила его двумя руками. Интересно, а какого размера сейчас малыш? Конечно, всё ещё крошечный. Но насколько? Половина этого объёма? Меньше?

Ещё несколько местных дней – и все увидят. Ладно, узнают – это не страшно, это же ей не повредит. Жаль, что нет зеркала с функцией воспроизводства трёхмерной модели. Васька хотела бы видеть себя со стороны. Или… а почему нет?

Она достала экран и сделала фото. Посмотрела. Да… Так, в майке, живот уже ни с чем другим не спутаешь. Она снова погладила его. Малыш не шевелился, ни разу – по крайней мере, Васька ничего такого не чувствовала. А уже должна была. Рука дрогнула. Васька надеялась, что с ним всё в порядке. ИИ-помощник сказал, что да, но нужно ультразвуковое исследование. Скоро они улетят на базу, и Васька узнает точно – кто это. Девочка или мальчик. Ей было всё равно, она уже безумно любила этого ребёнка и будет любить до тех пор, пока не сделает свой последний вдох. Но всё равно интересно.

И за него придётся бороться. За себя она не смогла… Но позволить отцу и бабке проделать то, что они проделали с Васькой, ещё с кем-то? Нет! Ваську некому было защитить, но у этого малыша будет мать. И она сделает для него всё!

Васька ещё раз взглянула на свой снимок. Она давно не видела, как выглядит со стороны. Что ж, не так уж и жутко. Правда, на лице ни лоска, ни блеска. Кожа явно неухоженная, не матовая и не бледная, как положено, а обычная – такая, как у всех остальных в лагере. Румянец слишком яркий, сразу видно – натуральный. Волосы торчат в стороны, и это ей даже идёт. Одежда выцвела, прекрасный изумрудный бархат превратился в бледный и пыльный, местами облысел. Конечно, дома никто не позволил бы ей ходить в таком виде. А тут некому озаботиться вопросом, насколько сильно Васька позорит семью. И, пожалуй, Васька себе даже понравилась – по крайней мере, при виде себя на лице сама собой расцветала улыбка. Особенно её радовал яркий блеск в глазах и животик. Да, он был идеален!

Забавная всё же штука – жизнь. Бьёт наотмашь, а после приносит неожиданные подарки. Разная она.

Васька отключила экран, несколько раз провела рукой по животу и улыбнулась. Нужно поднять кофту и одеться.

А потом, на очередном вдохе, ощутила этот запах… его одеколона. Очень сильный.

Васька вскинула голову. Напротив, прямо через ручей, стоял он. Данила.

* * *

Сорок три дня. Эта любовь длилась сорок три дня. Васька потом подсчитала – постфактум, так сказать, потому что вначале её просто снесло ураганом. Она ни о чём не думала, только чувствовала. Счастье. Она чувствовала счастье, как океан без берегов и дна. Считала минуты до встречи и наблюдала за ним исподтишка.

Держаться на расстоянии с каждым днём было всё сложнее. Дошло до того, что Данила приходил к ней в комнату в ночь дежурства. Несколько раз. И занимался с ней любовью на её мягкой кровати, пахнущей цветами. Если бы кто-то узнал, кое-кому не поздоровилось бы! Но им было наплевать. Да и Васька отключала видеонаблюдение над его местом базирования, чтобы начальник охраны не смог проверить, постоянно ли находился там Данила во время дежурства. А заодно проверяла календарь отца, чтобы его до утра не было дома.

Но в очередной раз, когда Данила прогуливал своё очередное дежурство, появился отец. Видимо, по какой-то причине раньше вернулся домой. К счастью, Васька успела услышать его заранее – в ней словно инстинктивный улавливатель стоял: отец только вышел из своих комнат, а она уже слышала, как неумолимо приближаются его шаги. Так что у неё было достаточно времени, чтобы спрятать полураздетого Данилу под кровать и зашвырнуть следом его одежду. Так банально. Эта мысль, что она спрятала любимого прямо под кроватью, вот здесь, всего в паре метров… эта мысль изрядно веселила.

Отец в этот раз пробыл недолго – в последнее время он сильно выматывался на работе и доставал не так часто. К счастью. Правда, перед уходом он смахнул со столика чайный сервиз, которому тут не место – почему она никогда не приказывает слугам уносить посуду? Может, хоть так поймёт? Но это всё.

А когда отец ушёл, Данила из-под кровати не показался. Может, уснул? Васька встала на колени, наклонилась так, что волосы легли на палас, и с улыбкой заглянула в щель. Может, он прячется? Играет?

Данила лежал, повернув голову в её сторону и широко открыв глаза, но словно не видел Ваську. Его зрачки были такими большими, будто ничего, кроме них, в глазницах не осталось.

– Ты что? – улыбка исчезла с её лица. Об игре и речи не шло.

Данила молча выкарабкался наружу, сел на кровать, поднял руку, разминая себе шею.

– Никогда к этому не привыкну.

– К чему? – Васька села рядом и прильнула к нему. Данила машинально обнял её и прижал к своему боку. Ваське нравилось сидеть так и просто молчать. И прижиматься щекой к его голой коже тоже очень приятно. И чувствовать, слушать, как он дышит.

– Как он может разговаривать так со своим ребенком? Да ещё с девочкой? Это не укладывается у меня в голове, – Данила хмурился и сам не замечал, как сильно сжимает руку на её плече.

– Ничего страшного, я привыкла, – Васька поморщилась от боли, но промолчала. А то вдруг отпустит?

– Вот это и страшно!

Он очень долго в ту ночь о чём-то думал, и Васька даже заснула в таком положении – сидя рядом и положив голову ему на плечо. А ночью он её разбудил с определёнными намерениями и был очень нежным. Обычно Данила вёл себя напористо и довольно жёстко, что в первый раз её даже удивило – ведь в обычной жизни он был сама доброта и мягкость. Но вот в постели оказался настойчивым на грани грубости. А Васька подстраивалась, её подобный поворот даже очаровал – так его личность заиграла ещё более яркими красками. А сейчас он будто перестроился и заботился только о ней и о её ощущениях.

Ей нравилось всё, что он делал, и раньше, и теперь. Напор и нежность – как две стороны одной медали. И всё же было в его поведении нечто настораживающее. Он будто говорил таким образом что-то, чего не мог сказать словами. Будто…

просил прощения, что ли. Хотел, чтобы она запомнила эту ночь.

Васька думала, что он прикинул последствия их внезапного романа и понял, что не хочет проблем и не готов к ним. Но их отношения таковы, что проблемы рано или поздно неизбежно наступят. Она сама решила: если Данила, столкнувшись с проблемами, просто уйдет, она его не осудит, отпустит и будет благодарна за то время, которое он ей подарил. Существовать среди таких монстров, как отец и бабка, Данила всё равно не сможет. А Васька не сможет уйти. Несмотря на паршивые отношения, она прекрасно знала, что отец никогда не позволит ей уйти. Скорее, запрёт в подвале, где Васька будет сидеть до самой смерти. Скорее, собственноручно задушит.

Васька не могла разрубить этот узел. Только принять чужие решения и смириться с ними.

Вот как бывает. Во всём мире новые законы, а она живёт в средневековье.

Под утро Данила ушёл. И всё тянул, уже одетый стоял у кровати, держал Ваську за руку и кривился, будто у него болел зуб.

– Я тебя люблю, – просто сказала она. На случай, если он решил расстаться. Пусть знает, что она ни в чём его не винит. И будет вспоминать добрым словом.

И Данила весь побелел. Застыл перед ней, как кролик перед удавом.

Ну правильно, подумала Васька – от такого признания всякий растеряется. Ну и пусть. Она жалела бы, если бы не сказала ему этого ни разу.

– Я тоже тебя люблю, – через некоторое время ответил он. Васька поверила. Или ей просто очень хотелось верить?

Этим днём он был занят, так что они не виделись. На следующее утро сразу после завтрака Васька получила на свой экран приоритетное сообщение. А значит, отправить его мог только один человек.

И правда, на экране показался Данила. Какой-то почти болезненный, лихорадочный взгляд. Красные, не выспавшиеся глаза. За его спиной шумел

космопорт, многоуровневая стоянка, увязшая в тумане и тусклых огнях.

– Что бы ты ни услышала обо мне, – резко подавшись вперёд, к экрану, сказал Данила. – Не важно. Я за тобой…

Вдруг экран выключился. Васька удивлённо подняла брови, спустя мгновение экран включился, но сообщение прервалось.

Потом стало происходить что-то непонятное. По экрану побежали чёрные точки, которых становилось всё больше и больше. Потом стали открываться сообщения… их переписка. И мгновенно стираться. Васька в панике попыталась остановить происходящее, отменить удаление, но гаджет не слушался.

Через пару минут всё было кончено. Вся память была очищена, ничего не осталось. Она пыталась найти… фотографию, сообщение, хоть смайлик, который остался бы от Данилы. Ничего. Вакуум. Будто они никогда не существовали. А потом отрубилась домашняя сеть.

Что… что это?

Васька вскочила, чтобы найти кого-нибудь из прислуги. А лучше сразу кого-нибудь из сетевой безопасности. Или даже отца. Может, они объяснят, что происходит?

Васька вышла из комнаты в общую гостиную и обомлела. Вокруг бегали люди. Охрана, которая искала непонятно что, заглядывая во все шкафчики и даже под стулья, а двое из сетевой безопасности связи лазали вдоль плинтусов и выковыривали провода.

– Что случилось? – спросила Васька.

Половина людей покосились на неё и продолжили заниматься своими делами. А вторая – и внимания не обратили. Двери и окна, кстати, были нараспашку, по полу сильно дуло.

– Василиса! Немедленно ко мне!

Отец выскочил из своего кабинета и повторять явно не собирался. Он окинул происходящее в гостиной внимательным взглядом, но без удивления. Отец понимал, что происходит.

– Вот ещё один!

Системник разорвал обои и открыл сидящий в выдолбленной дырке в стене небольшой черный аппарат, на котором мигало несколько красных огоньков, похожих на фасеточные глаза насекомых.

Отец выругался.

– Ищите дальше! А ты – быстро за мной!

Последнее относилось к Ваське. Она послушно вошла в отцовский кабинет. Нужно же узнать, что происходит. Тут тоже всё переворошено, деревянные стенные панели нещадно отодраны и прислонены к стенам, ковры сдвинуты гармошкой, шторы сдёрнуты.

– Что такое? – спросила Васька и увидела начальника охраны. Взгляд у того был почти довольный, почти злорадный. Он, хоть и стоял, но не навытяжку, как обычно перед отцом, а вполне себе расхлябанно.

– Они нашли ещё один глушитель, – отец схватился за горло, но быстро отпустил руку. – Василиса, сядь!

– Нужно найти все. Системщики говорят, их должно быть не менее десяти.

– Какой теперь от этого толк? – рявкнул отец.

Начальник охраны мудро промолчал. Тогда отец обернулся к Ваське.

– Ты, значит?..

Его взгляд был жутким, будто отец её ненавидел. Или, наконец, просто перестал это скрывать.

– Я?

– Ты завела интрижку за моей спиной?

Василиса сглотнула. Она знала, что рано или поздно отец раскопает, слухи дойдут, увидит кто… вечно скрываться невозможно.

– Отвечай!

– Я… у меня появился молодой человек. Мы встречаемся.

Отец сухо и коротко рассмеялся.

– А ты чем старше становишься, тем меньше соображаешь!

Васька прикусила губу и промолчала. Неважно, что она скажет – отец в любом случае будет недовольным и вывалил на неё тонны грязи.

– Ты его сюда привела? Говори!

– Кого?

– Вора!

Васька растерялась.

– Ты о чём? Я… я встречаюсь с молодым человеком, мы друг друга любим. У нас всё серьёзно. Я думала, ты узнал и поэтому…

– Да плевать мне, с кем ты там кувыркаешься! Сегодня утром со счетов компании сняли столько денег, что мы будем затягивать эти дыры годами! Вор в нашем доме! Он поставил на сеть заглушки, подобрал коды к моим счетам! И кто-то запустил эту змею в дом.

Отец замолчал, и эта тишина звучала жутко. Васька сглотнула с трудом – горло словно перекрыли.

Он что… на что он намекает?

– Я не понимаю…

– О, да! Куда тебе. Скажи ей, – обратился отец к начальнику охраны.

Тот с готовностью заговорил:

– После факта кражи мы подняли и проанализировали данные. Судя по всему, в дом проник человек, который вскрыл сеть и наставил по всей её длине глушилки. Так как проникновение происходило изнутри, система безопасности не отреагировала. Мы подняли дни и часы установки новых узлов сети. График полностью совпадает с днями дежурства одного из охранников, Данилы Тапиенко. Кроме того, по «счастливому» стечению обстоятельств отчего-то в эти ночные часы в доме не работало видеонаблюдение.

Похолодела – это слово очень отдаленно напоминало ту стужу, которая сковала Ваську. Она не хотела слушать, не хотела знать.

– Поэтому я спрошу только один раз, и я советую тебе говорить правду. Ты сговаривалась с охранником? Ты его провела в дом?

– Нет, – еле выговорила Васька. Руки дрожали. – Я ничего не знаю. Ничего не понимаю… Что происходит?

Отец с отвращением помотал головой.

– То и происходит, что обычно происходит со всеми пустоголовыми девицами, помешанными на романтике. Ими пользуются, а потом выбрасывают. Иди к себе. Позже расскажешь детали вашего «романа».

В его устах это слово прозвучало с отвращением и больно ударило. Васька невольно сжалась. И ушла. В коридорах и гостиной царил ещё больший бардак.

В спальне она забралась на кровать и долго думала. Данила – вор. Да? Или остался вариант, что это неправда? Так хотелось обмануться. Он ведь недавно

звонил, хотел предупредить о чём-то, но не успел. Зачем звонить, если он встречался с ней только для того, чтобы вынудить выключать видеонаблюдение… вот что мучило больше всего. А может, всё было иначе? Ведь какой толк от наблюдения, когда его личность всем и без того известна? Может, отец узнал про их связь и решил, что его такой зять не устраивает? И подставил Данилу. Как бы хотелось в это верить! Но отец не стал бы грабить собственные счета и громить свой дом, только чтобы уничтожить одного человека. Есть другие, более тихие и не менее действенные методы. Голова кружится…

Васька и так прикидывала, и эдак. Оправданий Даниле не было. Всё правда. Он проник в их дом, прикидывался овечкой, а сам оказался преступником. Вся сказка, которую себе придумала Васька – лишь фантазия.

Это разочарование было каким-то мутным, словно не настоящим. И боль засела в сердце тупой занозой. Васька не рыдала, не истерила, не отказывалась от еды. Она просто пыталась найти внутри себя хоть каплю тепла и света – и не находила.

Когда её пришли расспрашивать представители закона, она ничего не сказала. Отец кричал, грозил всеми доступными ему карами, а Васька просто сидела, сгорбившись, сжав руки коленками, и молчала.

Один из особистов, пожилой такой, с темными глазами и круглым лицом, попросил всех, включая её отца, выйти. И сказал:

– Я не раз видел женщин, которых обирали мошенники и альфонсы. Некоторые из них не верят. Выслушивают все доказательства, даже могут посмотреть видео, где он выгребает ювелирку из сейфа, а потом говорят: всё равно не верю. Наверное, его заставили. Обычно это означает, что они, эти женщины, любили не человека. Они любили свою мечту о большой и светлой любви. Свои бесхитростные женские грёзы. Но если разделить эти две линии – женскую мечту и ублюдка, который использует эту мечту, чтобы на ней наживаться, посередине останется месть. Этот человек должен ответить за то, что сделал. Не позволяй ему провернуть подобное с кем-то ещё. Сделать так же больно кому-то ещё.

Ваське было тяжело его слушать. Вроде искренне говорит, но все равно кажется: все эти слова предназначены только для того, чтобы любым способом её разговорить.

Но он так точно подметил!.. Самообманываются. Если бы речь шла о ком-то другом, а не о Ваське.

Наверное, этот мужчина заслужил ответа – в конце концов, это просто его работа. Да и мысль кое-какая появилась, для воплощения которой ей требовалась возможность свободно перемещаться по городу.

– Я ничего не знаю, – ответила Васька и честно посмотрела в глаза особиста. У него, как и у других людей похожих профессий, был острый взгляд, который будто насквозь пронзал. – Всё, что он делал, он делал за моей спиной. Я ничего не подозревала. Мне жаль.

– Что насчёт видеонаблюдения?

– Тоже не знаю.

– Его могут отключить всего несколько человек.

– Код от видеонаблюдения, вероятно, украсть проще, чем деньги со счетов.

– Тоже верно, – особист улыбнулся, оценивающе прищурился и замолчал.

Он ещё некоторое время просто смотрел, а после кивнул.

– Я вам верю. Детали вашего с ним знакомства можете рассказать позже, сейчас нужно успеть его задержать. Вы оправитесь. Просто забудьте его, как дурной сон.

– Спасибо. Я постараюсь.

Особист ушёл, а Васька ещё немного подождала, прокручивая в голове слова дядьки. Ну, детали знакомства она никому раскрывать не собиралась, это не их ума дело. У отца очередная грызня из-за денег? Почему это должно её

волновать? Она ненавидела его… А Данила… Всё, что было, касается только их двоих. Если у Василисы и появятся к нему счета, то свои собственные.

На слова о том, что им нужно успеть его поймать, она даже внимания не обратила. Если Данила сумел увести деньги отца, уж о собственной безопасности всяко подумал.

Чуть позже её снова пришли допросить. Двое мужчин среднего возраста с затвердевшими лицами. Эти чётко занимались делом и хотели выяснить, не давала ли Василиса злоумышленнику каких-либо кодов доступа, или не замечала ли странного поведения – того, что он расспрашивает о системе безопасности. Не замечала ли, чтобы злоумышленник встречался с кем-то вне дома и обсуждал какие-то деловые вопросы, к которым не допускал Ваську. Они уже знали, что Васька с ним часто ездила в клуб, и расспрашивали о клубе, о его друзьях, о работниках.

Они задавали столько вопросов, что сразу становилась видна линия произошедшего. Данила готовился давно и долго, устанавливал глушители, украл внутренний код безопасности, получил доступ к счетам. Причём в доме он мог действовать и один, но за пределами у него явно были сообщники, судя по маневрированию деньгами на счетах.

Васька не ответила ни на один вопрос.

И тогда эти два дядьки попытались на неё надавить. Ненавязчиво так намекнули, что молчание в данной ситуации вызывает глубочайшие подозрения. Васька ведь могла быть сообщницей: обиделась на отца, что на шмотки мало денег дал или бриллиант на день рождения подарил не тот, который хотела – вот она и решила собственного папочку наказать. Такие случаи в их практике бывали. И если его не поймают, то её станут судить за двоих. Посадят туда, куда хорошим девочкам лучше не попадать. Надолго.

Звучало так серьёзно.

Васька посмотрела им в лицо… и рассмеялась. Потом встала и просто ушла, и они не посмели останавливать её силой. Правда, это было так смешно! Они, и правда, думали, что отец позволит кому-то её тронуть? Если он решит, что Васька участвовала в краже, накажет по-своему. Но чтобы кто-то вроде этих

типов посмел запугивать его дочь? Да он их на месте раскатает, если узнает!

Им повезло, что отец не узнал. Ваську оставили в покое. И вечером она поехала в «Кислый век». Привычно спрятала машину на соседней улице и пошла пешком ко входу.

Всё как обычно: люди, музыка, освещение, смех. Только атмосфера неуловимо изменилась. Васька прошла к диванчикам, которые обычно занимала их компания… там сидели другие люди.

Втайне она рассчитывала найти кого-то из друзей Данилы. Для чего, она не знала. Просто хотелось попробовать.

Их не было. Никого. Васька ещё немного постояла в стороне и увидела официанта. Тот тоже её углядел. Васька всегда оставляла ему щедрые чаевые, хотя эта работа и так очень хорошо оплачивалась, но, видно, чаевые были внушительные, потому что он сразу подошёл и улыбнулся.

– Хотите столик? – спросил он.

– Нет. Зашла посмотреть, нет ли кого из наших.

Улыбка как-то медленно сползла с его лица. Васька подошла ближе и вздохнула.

– Они не придут, да?

– Я думал, вы в курсе, – скороговоркой ответил официант. – Они все уехали. Сорвали какой-то куш и мотнули отдыхать. Они всегда так делают – появляются на пару месяцев, потом сваливают. Я думал, вы знали…

Васька даже улыбнуться не смогла. Официант стоял рядом и переминался с ноги на ногу, даже ничего сказать в качестве успокоения не мог. Такая жалкая ситуация.

– Я пойду, – Васька собралась с силами, чтобы не разрыдаться, и побрела прочь.

– Всего хорошего!

Больше туда Васька не ходила. И вообще из дома не выходила. Даже когда в доме начали ремонт, и стало очень шумно, она словно ничего не слышала.

В доме установили более совершенную систему защиты, которую не взломать тем методом, которым воспользовался Данила. Но что толку – было уже поздно.

Отец скрыл от общественности детали происходящего. По его версии, наёмный охранник посмел обидеть его дочь, поэтому был уволен и навсегда получил волчий билет на Земле. Исходя из этой версии, Васька сделала вывод, что Данила улетел с Земли. Куда – конечно, неизвестно, но возвращаться обратно в ближайшие пару десятков лет ему не стоит. И конечно, он не вернётся. Не дурак же – всё понимает. И на что идёт, и что делает, в том числе с ней.

А потом, пару недель спустя, одним обычным серым утром Васька вскочила с кровати и побежала в туалет. Её вырвало.

В этот день в АМК-е должны были огласить результаты итоговых экзаменов. Ваську это не интересовало – экзамены она, конечно же, сдала.

Ещё до теста на беременность Васька знала, какой результат тот покажет. Нужно было срочно придумывать план, искать выход из сложившейся ситуации. Нужно побыть одной и решить, что делать. Но дома это невозможно.

В то утро Васька сидела возле унитаза, тяжело дыша от шока, смотрела на свой живот, который показался под задравшимся топиком для сна, и лихорадочно думала.

Нужно что-то предпринять. Немедленно. Или кое-то умрёт, даже ещё не родившись.

* * *

– Вор.

Она это не сказала, а прошептала. А глаза шарили по нему, будто пытались разобрать его на части, увидеть его прошлое. На нём – лётный комбинезон, в

таких путешествуют во время дальних перелётов в космосе. Волосы отросли… ещё бы, не нужно стричься, как того требует устав работодателя. Лицо осунулось. Взгляд настороженный. В руках что-то белое.

Ей… мерещится?

А через несколько мгновений он ринулся вперёд, и Васька даже охнуть не успела, как Данила перепрыгнул узкую полосу воды, схватил её и зажал ей рукой рот и нос. И какой-то другой, едкий запах ворвался в горло. Он хочет её вырубить! Васька, как только это поняла, попыталась задержать дыхание, но было поздно. Сознание улетучивалось.

Васька была ошеломлена. Всем происходящим. Тут, на планете без связи… как оказался Данила? И зачем он её усыпляет? Нет, этому нет объяснений. Может, ей кажется? Просто горячечный бред. Она обезумела… обезумела…

И, возможно, даже рада пришедшему небытию.

Глава 3

Связь

Голова совсем не болела. Только глаза не открывались. Стоило попробовать разлепить веки, как свет резал так сильно, что Васька тут же жмурилась обратно.

Ей казалось, она приходила в себя целую вечность. Сотню лет выплывала из этого мерзкого беспамятства. Не ощущала ни звуков, ни запахов. Наконец, всё же очнулась. Открыла глаза и сразу уткнулась взглядом в потолок. Ровный, белый, совершенно не похожий на высокий, теряющийся в вечном полумраке, серый потолок катера.

Она что, в помещении? На базе?

Васька резко повернула голову. Она уже поняла, что лежала на настоящем матрасе – слишком уж ровной и упругой была поверхность. Земля и пол катера, даже заваленные травой, и близко такой не могут похвастаться. А ещё ни откуда не дуло. А на природе, оказывается, дует изо всех щелей, и никуда от этого сквозняка не спрятаться.

Так вот, напротив неё сидел Данила. Да не просто сидел. Он сидел к ней спиной, навалившись локтями на стол и обхватив голову руками, в позе такой глубокой задумчивости, будто искал решение, способное повлиять на судьбу всего мироздания в целом.

Одет он был в тёмно-серые спортивные брюки и светло-серую футболку. Свои любимые цвета. Значит, переоделся после того, как они встретились у ручья?

Подождите, Данила?!

Васька зажмурилась. Ей мерещится? Там, у ручья, она смотрела на него и даже не думала – настоящий он или нет. Просто хотела как можно дольше его видеть. Но сейчас…

– Испугалась?

Галлюцинация говорит? Или… или это действительно он?

Данила продолжал сидеть спиной и не шевелился. Безумие какое-то. Но всё так натурально!

Васька покосилась по сторонам. Действительно, это каюта – кажется, медицинский кабинет. Над ней поднятый купол капсулы, вокруг какие-то непонятные аппараты, белые и блестящие – даже смотреть больно, а слева висит экран, на котором отображаются графики и всякие жизненные показатели. Посередине экрана крупным планом снимок, что-то в серых тонах. Непонятная рябь, которая почему-то привлекает внимание. Васька как приклеилась к нему взглядом, так и не смогла оторваться. Эти пятна и линии, свёрнутые клубком, ей напоминали… напоминали…

Это, похоже, ультразвуковой снимок.

– Девочка, – не поднимая головы, сказал Данила. – Будет девочка.

Вот оно, значит, что.

Васька вроде и рассердилась, что он вот так запросто взял и раскрыл самый важный секрет в её теперешней жизни. А вроде и обрадовалась, что, наконец, узнала.

Уже ставшим привычным жестом положила руку на живот. Тот был оголён. Точно. Футболка поднята, штаны приспущены, чтобы легче было делать обследование. Ваську тут же захлестнули недобрые предчувствия. Она быстро привстала, поправила одежду, будто натянула броню.

– И она полностью здорова, судя по справочнику. Я все размеры проверил.

– Зачем? Какое тебе дело до моего ребёнка?

– Это я виноват.

– Виноват в чём?

– Что ты беременна. Ты же ставила контрацепт-блок, да? Ты говорила, что каждый раз его обновляешь. Да я и сам видел.

Васька вспомнила про этот блок. Да, ставила, с самого начала их отношений. Поставить блок – дело нескольких секунд, он есть во всех стандартных домашних аптечках. Прижала таблетку к коже под пупком – и сорок восемь часов можешь ни о чём не беспокоиться. Васька понятия не имела, что произошло, как блок мог не сработать. Ну не настолько же она тупая, чтобы забыть или неправильно поставить блок? Ну как там вообще можно его неправильно поставить?

– Я принимал… особые вещества, которые понизили уровень контрацептива в твоём организме, – тем временем заговорил Данила. – Эти вещества передаются через жидкости – например, через слюну. И активируют некоторые гормоны. Они нужны были, чтобы стать невидимым от второго уровня слежки в вашем доме, они вводятся в кровь, пульсируют по кровеносной системе под кожей и

отражают импульсы – в общем, тонкости долго объяснять. Но у них, оказывается, есть побочка – вот такая странная побочка. Я только сейчас узнал, прочитал про них научную статью в медицинской библиотеке – благо, здесь такое оборудование, что корабль полную базу тянет. Но пока я был в вашем доме, я не знал.

И не постеснялся же упомянуть, что обокрал её семью! Даже непонятно, этот факт вызывает недоумение или восхищение?

Почему он на неё не смотрит? Смотрите-ка, страдает, что ли? Голос совсем убитый. Васька с любопытством стала изучать его спину и горестно склонённую голову, пытаясь понять, что на него так повлияло. Не знал, что станет папой? Очевидно, нет. Откуда бы он узнал? Васька тщательно скрывала все следы. Благо, хотя её и постоянно отвратительно тошнило, но на людях ни разу не вырвало, что неминуемо вызвало бы обследование домашнего врача и последующее практически неизбежное обнародование результатов. В общем, даже от отца удалось скрыть. Тем более, от Данилы. Они не общались, не виделись. И там, у ручья, она чуть ли не впервые за последние месяцы разделась так, что был виден живот. В общем, теперь узнал. И что? Не хочет ребёнка? Так никто ему и не предлагает. Совесть замучила, что невольно создал новую жизнь? Ну, что поделать – не ты первый, не ты последний, просто смирись.

В остальном внешне он ничуть не изменился, всё такой же душка. Плечо, обтянутое футболкой, всё такое же сильное. Затылок, на котором едва заметно курчавятся волосы, всё такой же милый. Надо же.

Наконец, он поднял голову и развернулся. И молча уставился на неё.

И взгляд всё так же гипнотизирует, как удав кролика. Серая радужка не изменилась – значит, это его естественный цвет глаз, а то, может, раньше он в линзах ходил. Значит, и у дочери могут быть такие глаза.

Васька сглотнула. В голове была такая каша, что она даже не знала, что и сказать, только пялилась на него, как на икону. В такой ситуации, на заброшенной далёкой планете. Кстати!

– Ты! – Васька показала на него пальцем. – Что ты тут делаешь?

– Тут? Где тут?

– Ну, вот тут. – Васька слегка растерялась и обвела рукой помещение.

– Что делаю? – он почему-то рассердился. – Я тут, потому что это мой корабль.

– Корабль? – Васька осмотрелась, учитывая новую информацию. Это медкабинет, никаких сомнений. Но размер и стены… Выходит, что это не база? А с чего Васька вообще первым делом подумала про базу? Он же, выходит, её украл. Ну, а дальше что? Куда он её дел?

– Где я? – севшим голосом спросила Васька.

– Понятно, где. На моём корабле, – довольно жёстко ответил Данила. Васька впилась в него взглядом. После пробуждения она, хотя и без особого успеха, старалась как-то отгородиться от происходящего, но оно всё же её настигло. Никаких сомнений. Он на самом деле здесь.

– А корабль где?

– Корабль приземлён на поверхности этой дурной планеты, будь она неладна!

Васька поверила по большей части, потому что вот так, лицом к лицу, сразу увидела, что Данила всё же изменился. Значит, ей не мерещится. Любому, кто его хорошо знал, это бросилось бы в глаза. От прежней лёгкости и открытости – ни следа. Раньше каждое его движение, даже поза, в которой он находился, показывала, что это дружелюбный и миролюбивый человек, готовый всякому прийти на помощь. Теперь он, в том числе невербально, давал понять, что не желает иметь с остальным человечеством ничего общего.

Может, раньше на нём была просто маска? Ну, ему нужно же было как-то подмазываться к жителям Васькиного дома? Как-то напроситься на работу, как-то уговорить её выключить видеонаблюдение? Васька только теперь поняла, зачем. Не затем, чтобы не осталось следов преступления – он понимал, что знатно наследил. Всего лишь затем, чтобы его не вычислили раньше времени! Не поймали раньше, чем он вскроет сеть и достанет отцовский код безопасности.

– Я не понимаю, – Васька мотнула головой, потёрла друг об друга озябшие ладони. – Как ты и твой корабль оказались здесь? Мы же… мы потерпели крушение! Прыгнули по глупости, сами не знаем куда. И мы тут без связи, без помощи! Никто на Земле не знает, где мы. А ты… Как ты тут оказался?

– Тихо, не волнуйся, – резко перебил он.

– Это твой ответ? – возмутилась Васька.

– Нет, я расскажу. Мне нечего скрывать. Просто прошу не волноваться.

И что на это скажешь? Васька почувствовала, что откровенно на него таращится. Она ничего не понимала. В голову не приходило ни одного внятного объяснения. Какая-то безумная ситуация, ни грамма не понятно, что происходит, а он просит… не волноваться?

Данила тем временем насупился, будто подумал о чём-то неприятном.

– Всё просто. Я летел за вашим кораблём.

– За каким?

– Не перебивай.

– Ладно.

Она демонстративно сжала губы и кивнула – мол, давай, продолжай, умник.

– Я летел за вашим кораблём. За туристическим. Видел всё, что произошло. С моей точки зрения это выглядело так: корабль почему-то потерял скорость и совсем остановился, а потом сбросил спасательный катер. Я решил, что случилась беда, корабль терпит бедствие, тем более что полностью отсутствовала связь! Я даже вышел из режима тишины, чтобы проверить. Ничего. Корабль не передавал ни звука, никак не подтверждал приём запросов извне. Он будто вообще ничего не слышал! А из катера шли какие-то непонятные сообщения об эвакуации команды корабля. Но они сразу сказали, что на борту только команда, все студенты АМК-и остались на корабле, так что с

ними разговаривать я не стал. Больше волновало, что, судя по их сообщениям, на корабле оставаться было опасно. Первый катер ожидал эвакуации остальных. В общем, пока я пытался решить, что делать… корабль вдруг начал запускать прыжок. Думать было некогда, на прыжок уходит всего несколько секунд. Я в последние секунды поймал сигнатуру точки выхода и прыгнул следом.

Васькин рот приоткрылся.

– Но оказалось, – Данила зло сжал челюсти, – что вы прыгнули очень, очень далеко. Так как мой Таймыр не предназначен для дальних прыжков, мне пришлось тащиться следом за вами целый чёртов месяц! – он вдруг вскочил и стукнул по столу кулаками. – Целый месяц, твою мать, я думал, что ты мёртвая!

Он замолк. Стало тихо до жути. От удара, казалось, всё задрожало и никак не успокаивалось. Стены дребезжали, воздух колыхался. Будто весь корабль невольно вздрагивал, потому что Данила сердился.

Через несколько секунд он спокойно уселся на стул, как ни в чём не бывало.

– С тех пор я здесь, – невозмутимо продолжал Данила. – Извини за моё поведение. Это я, пока один был, привык психовать – всё равно никто не видит. Хоть какой-то бонус.

– Но почему ты думал, что я мёртвая?

– Да потому что прыжок был, мягко говоря, кривой. Это я почти сразу понял, но было уже поздно – назад не выпрыгнешь. Мой Таймыр маленький, он справился, но большой туристический корабль при таком прыжке так или иначе повредится. Повезёт, если не развалится сразу. Что там за придурки у вас, которые прыгали, не зная таких простых вещей?

Васька пожала плечами.

– Какая теперь разница? Меня они не спрашивали, прыгать или нет. Насчёт остального… в общем, верно. Так и произошло. Корабль притянуло к планете, потому что мы выпрыгнули слишком близко. Но мы успели спастись.

– И ты даже не представляешь, насколько сильно это меня радует.

Он вдруг быстро улыбнулся, такой мгновенной кривоватой улыбкой, которая моментально всколыхнула в сердце Васьки всё, что там копилось. А фраза «хоть какой-то бонус» была из лексикона игроков – они все ею пользовались в те вечера карточных игр.

Она закрыла глаза. Это что, очередная пытка? По сути, нужно радоваться… радоваться, только чему именно?

– У тебя есть корабль? – с трудом отвлекаясь от личных переживаний, спросила Васька.

– Да, как видишь.

– Сколько тут людей?

– Я один.

– Один? – вот это было неожиданно.

Он красноречиво посмотрел на неё.

– Меня могли обнаружить. Сама понимаешь, брать кого-то ещё для преследования корабля, набитого выпускниками АМК-и – просто его подставлять.

Действительно. Поймают в компании Данилы – на основании одного этого запишут в сообщники. А он, между прочим, говорит, что преследовал корабль со студентами АМК-и! На это вообще способен только безумец!

– Ты летел за нашим кораблём? Но зачем?

Он снова посмотрел на Ваську так, будто она и сама должна знать ответ. Но Васька не знала. Через некоторое время, в течение которого они просто переглядывались, Данила, наконец, сдался и ответил:

– Я обещал, что прилечу за тобой. Я обещаний, которых не собираюсь исполнять, не даю.

– Ты обещал за мной прилететь? Когда?

– Когда звонил в последний раз, – Данила нахмурился. – Я точно знаю, что связь была. Я видел тебя на экране, когда ты ответила.

– Да, но звонок почти сразу прервался. Ты ничего не успел сказать.

– Правда? – Данила сморщился, будто услышал что-то крайне неприятное. – Плохо. А всё эти перестраховщики. Запустили уничтожение связей раньше, чем планировали. Даже несколько секунд не подождали. Но я собирался сказать, что приду за тобой. И, как видишь, сдержал своё слово, пусть даже ты его не слышала.

Он спокойно и твёрдо посмотрел на Ваську. Будто ждал каких-то возражений – бабских, истеричных и неважных. Этакий Робин Гуд, который готов стоять на своём видении справедливости, а вы, если желаете быть с ним, должны это видение поддержать.

Васька хотела сказать, что это, в общем-то, ничего не меняет, но были более важные темы для разговора.

– Ладно. Итак, у тебя есть корабль. Ты уже давно здесь. Но почему ты никак не проявлялся? Чего ты ждал? Нужно срочно связаться с остальными и всё им рассказать!

– Да ну?

– Что? Я не понимаю! Почему ты сразу с нами не связался? Ты же нас слышал? Сигнал бедствия с нашего катера, или как там он называется?

– Я слышал ваш спасательный маячок, всё верно.

– И почему ничего не сделал?

– Василиса, – Данила вздохнул. – Я ради этих твоих студентов и пальцем не пошевелю!

– Почему? Они такие же люди, как я! Они тоже в беде!

– Ладно, – он поднял раскрытые ладони. – Объясню иначе. Если бы я допустил сюда твоих сокурсников, тут бы бойня началась за место под солнцем! Таймыр может вместить и обслуживать не более десяти человек. Остальных ты куда предлагаешь девать? И поверь мне, Василиса, в числе счастливчиков не оказались бы ни я, ни ты! Да что за глупость вообще! Почему мне до них должно быть какое-то дело?

– Хорошо. Ладно, – Васька не собиралась его осуждать за такие рассуждения. В чём-то он прав: в таких случаях всегда побеждает тот, кто сильней и наглей. Студенты знают друг друга долгие годы, они из одной тусовки. Данилу они отправят в отставку, даже не спросив согласия. – Ты не хотел светиться. Но у тебя же рабочий корабль! Почему ты не улетел и не вызвал помощь? Почему до сих никто не знает, где мы?

– В том-то и проблема, – Данила хмуро покосился куда-то в сторону. В этот момент он выглядел… как охотник, который засел в укромном месте и уже неделю не спит, не ест – ждёт добычу. Так выглядят люди, чей интерес к чему-то уже перешёл в болезненную озабоченность этим самым предметом. Может, и хотел бы оставить, бросить это дело, которое уже пугает – но не может. Данила два раза открывал рот, пока, наконец, не сказал:

– С этой планетой что-то не так.

– О чём ты?

– Она… не могу объяснить. На самом деле у меня такое впечатление, что со мной играют. Как кошка с мышью.

– Кто?

– Не знаю, Васька. Но я не могу улететь.

Вот уж чего Васька не ожидала. Он не может улететь? Какой-то абсурд.

– Корабль неисправен? Повредился, когда ты сел, да?

– Нет. Он, как бы это сказать, и исправен, и нет. Одновременно. Первого больше.

– Что за чушь ты несёшь?! – Васька была готова хвататься за голову, чтобы мозги не распухли и не вылезли наружу. Это просто бред!

– Сейчас объясню. Попробую. Когда я выпрыгнул на местной орбите и не смог установить внешнюю связь, я был просто в ужасе, – негромко продолжил Данила. – Конечно, вашего корабля нигде не было. Но и его обломков тоже. Значит, вы выжили. Когда я это понял, стало полегче, но… но эфир был совершенно пуст. Тут вообще нет связи. А потом я уловил ваш маячок с поверхности. Это значило, что моё оборудование в порядке – следовательно, на планете нет других источников излучения, то есть других людей. Или существ. Снимки поверхности тоже показывали отсутствие каких-либо строений. Я вычислил ваши координаты. Но что именно случилось с вашим кораблём, я не знал, поэтому на всякий случай сел на расстоянии. Ночью. Потом нашёл ваш лагерь с помощью дрона. И тебя. Я увидел тебя… живую, – Данила замолчал, его взгляд почти расфокусировался. Потом он на секунду закрыл глаза, а открыл уже собранным. Продолжил: – И я стал за вами следить. Даже, скорее, присматривать. На самом деле, если бы что-то плохое случилось, я бы помог.

Васька тут же вспомнила Дайну. Было ли это настолько плохим случаем, чтобы вмешаться? Кто его знает…

– Всё равно не понимаю, чего ты так долго ждал? Ладно, остальные, почему ты не сказал хотя бы мне? Почему сделал это только сейчас?

– Я… убедился, что ты цела и невредима. Но забирать тебя сразу было некуда. Долгая история, тебе будет скучно ее слушать. Да и смысла нет.

Васька осеклась. Данила отвернулся – рассказывать подробности он не собирался, и думай, что хочешь. В принципе, на что она рассчитывала? По сути, он ей ничего не должен. Он должен только закону.

И потом, корабль… ведь это значит…

– Получается, – медленно сказала она. – Получается, мы летим домой?

Стало до жути тихо. Ей хотелось в цивилизацию – как же иначе, но почему-то она ожидала, что это произойдёт по-другому. Прилетит эскадра кораблей и с помпой, под вспышки камер увезут бедняжек домой, где они на долгое время станут героями и будут бесконечно рассказывать и смаковать подробности своих нелёгких приключений. Без сомнений, сериал снимут на эту тему; может, и книгу какую-нибудь напишут.

– Нет.

– Что?

– К сожалению, мы не можем улететь, – Данила запустил руку себе в волосы и о чём-то задумался. Раньше он так не делал, так что Васька стала наблюдать за новым жестом с интересом. – Я не могу взлететь.

– Ты не знаешь, как?

– Ну что ты такое говоришь, – взгляд, полный недовольства. – Я прекрасно могу справиться с кораблём!

– А что тогда? Он всё-таки несправен?

– Тогда то, что я уже сказал! Кто-то будто играет со мной, – Данила заскользил взглядом вокруг – так, будто видел каких-то невидимых врагов, наполняющих воздух. – Кто-то играет, и прямо скажем, я не знаю, кто. И чего он хочет.

– Да ты о чём? На планете никого, кроме нас, нет!

– Не уверен.

Васька снова не нашла, что сказать. Может, ему от одиночества крышу стало сносить? Данила очень общительный человек, раньше постоянно с кем-то трепался или переписывался. А тут совсем один, несколько месяцев. Мало кто

выдержит такое испытание без ущерба для мозгов.

– Это началось, как только я приземлился. Пропала связь – вся, кроме местной. Вот просто словно отрезало, хотя вся техника исправна. Потом стала происходить какая-то чертовщина. То приборы начинают показывать какие-то ненормальные величины, и я с ног сбиваюсь, пытаясь разобраться, что происходит… а через несколько часов они вдруг работают как часы. Потом вдруг снаружи корабль начинают бомбардировать какими-то энергетическими бомбами. Я напрягаюсь, рассчитываю поле и то, как оно повлияет при гравитации… как вдруг всё прекращается. Словно кто-то играет, вот честно. И последнее – я не могу поднять корабль. Все системы работают, все отклики, все программы, всё идеально. Но команду запуска двигателя на взлёт он напрочь игнорирует. Я даже обход сделал, взломал цепь страховки, давал команду напрямую – и ничего.

Васька сидела и не дышала. То, что он рассказывал – этого ведь не могло быть на самом деле?

– Вижу, о чём ты думаешь, – мрачно сказал Данила. – Но зря. Вот попозже сам тебе покажу, если захочешь. Это тоже не всё. По кораблю… кто-то ходит. Нет, я никого ни разу не видел. Но краем глаза иногда, знаешь, выхватываются из воздуха… словно человеческие фигуры. Невидимые. Жутко звучит, да? – он вдруг невесело усмехнулся. – По глазам вижу, звучит не очень. Ну, тогда не бери в голову. Я пошутил. Тебе нужно отдохнуть.

И, странным образом, Васька вдруг зевнула. Почувствовала, что жутко устала и хочет спать. Вдруг стало не важным и появление Данилы, какое-то прямо противоестественное, и новые загадки. Корабль, прозрачные фигуры, преследование, похищение, какое-то непонятно кому данное слово, которое он считал необходимым выполнить. Сейчас это всё отошло на второй план.

– Пойдем в каюту, здесь не место для сна. И неудобно.

Данила вывел Ваську в узкий коридор, с круглыми оранжевыми лампами на стене. Всего несколько метров – и они в общем зале, он же столовая. Потом короткий спуск на нижний ярус – и каюта.

Это его спальня, повсюду личные вещи. Некоторые из них Васька узнала. Например, хрустальный асимметричный флакон с туалетной водой – её подарок. Здесь всюду ею пахло.

Наверное, странно, что Данила привел её отдыхать в свою спальню, но сейчас Ваську это не волновало. Кровать – настоящая, изрядных размеров. И одеяло. Самое большое, по чему из прошлой жизни она скучала – это как раз одеяло. Как же ей надоело спать, скрючившись на полу, укрывшись куском кривой, жёсткой и негнущейся обивки от сидения! Теперь Васька улеглась и укуталась до самого носа мягким, душистым, нежным одеялом. И поймала себя на том, что улыбается.

Она была просто до неприличия счастливой!

И через секунду уже спала.

* * *

Сообщение было коротким и лаконичным. Холодным, как пресмыкающееся, и таким же отвратительным.

Кира сидела в момент, когда его открыла, и хорошо.

И всё же, всё же… В этом сообщении имелось нечто, помимо слов и плохой новости. Какая-то неуловимая, но очень важная связь. Наверняка имелась! И если постараться, напрячься и перестать тупить, Кира её увидит!

– Что случилось?

Снежка пришла не вовремя. Вот как она умудрилась выбрать настолько неудачный момент? Кире казалось, она спугнула архиважную мысль, которую Кира почти поймала за хвост. На самом деле, враньё, конечно: проблема как раз заключалась в том, что ничего-то Кира понять не могла, но ей так хотелось верить, что проблема не в ней самой, а в ком-то другом!

Но так нельзя. Кира убрала раздражение прочь и сказала.

– Пустота пропала.

– В смысле? – Снежка села напротив и постаралась не улыбаться широко и счастливо, как всё последнее время. Кира сразу поняла, что они с Огнем снова вместе. Эти взгляды, короткие прикосновения, ахи и охи только дурак не разглядит. Правда, Снежка старалась своё безоблачное счастье не афишировать, прятала и сияющий взгляд, и безмятежную улыбку. А с Кирой пыталась говорить обычным ровным тоном. Очень старалась, прямо изо всех сил. Наверное, жалела, учитывая ситуацию, но от этого становилось только горше.

– Зои пишет, что Пустота пропала. Её нигде нет. Они с Зыкиным и Шпротом обыскали все окрестности. Ни единого следа. Уже четыре часа как её не могут найти.

Только теперь до Снежки дошло, и она поверила. Моргнула, будто отгоняла туман и посмотрела совсем другим, осмысленным взглядом. Правду говорят, любовь слепит. Кире не хотелось быть носительницей плохих новостей, но сейчас не до собственных переживаний.

Снежка поняла и уставилась широко открытыми глазами.

– Это же не… не кто-то из наших? – воскликнула.

Надо же, всем первым делом приходит одна и та же мысль. Кира сразу Зои так и спросила.

– Зои пишет, что нет. Она всех собрала и опросила. Даже Баклан сказал, что не стал бы связываться с Пустотой – он ещё в своём уме. Взаимно побаловаться – одно дело, а с дурой связываться, да еще ей вредить – это им без надобности. Да и семейка у неё такая, что в асфальт закатает, с её папашей никто связываться не рискнёт, а парни надеются рано или поздно вернуться домой. Зои всех предупредила, что на базе каждый пройдёт детектор лжи – и все согласились.

– То, что согласились, ещё ничего не доказывает! Как они могли отказаться? Это сразу вызвало бы подозрения, а так время еще есть, пока до базы доберутся – можно что-то придумать, чтобы детектор не проходить.

– По возвращении домой, сама понимаешь, отец Пустоты, если она пропадёт, настоит на заведении уголовного дела. Будет бойня капиталов, и если он победит, всем нам мозги прочешут под стимуляторами – тогда ничего не скроешь. А он победит. Никто не стал бы так рисковать. И я верю, что мальчишки ни при чём. Как-то глупо… только девчонки улетели, даже транспортёр ещё с глаз не скрылся, как кто-то из них побежал Пустоту насиловать и убивать? Нет, среди нас и Саблезуб, пожалуй, на такое был бы не способен. Тут что-то другое, – Кира снова задумалась. – Пустота просто пропала. Была – а через десять минут не стало. И никаких следов. Ни шума, ни звуков, ни следов борьбы на земле. Она не кричала и не звала на помощь. И мальчишки все друг друга видели – по крайней мере, так говорят. Она словно просто испарилась в воздухе и не оставила следа.

– Это прямо как с Никитой, да? – воскликнула Снежка. И тут же отвела глаза, будто пожалела, что напомнила об утрате. Однако как промолчать, если сходство очевидно?

Кира медленно кивнула. Конечно, она сразу так подумала. И теперь нужно понять, в чём именно связь. Что у них общего? Что такого случилось, что они пропали при одинаковых обстоятельствах? И… если найти Пустоту – говорят же, по свежим следам проще искать пропавших… – то есть шанс найти Никиту!

– Но он так давно пропал, – нехотя сказала Снежка. И конечно, так и не посмела смотреть прямо.

– Если бы он погиб, как вы все уверены, Перец нашёл бы тело, – спокойно сказала Кира. Она уже могла говорить эти слова, словно за ними не стояло никакой трагедии. – Я знаю, что вы все думаете, на что намекаете. Я на вашем месте думала бы так же. Но нет.

– Как скажешь.

От этой покладистости, замешанной на чувстве жалости, тошнило. Но лучше всего просто не обращать на это внимания.

В общем, Кира зависла в этих своих мыслях, пытаясь нащупать какую-то ниточку. Вдруг?..

– Нужно брать дроны и лететь в лагерь на поиски, – сказала тем временем Снежка. – Только как Саблезуба оставлять?

Да уж, проблема Саблезуба снова вылезла наружу. Он очухался и теперь шатался по базе, заглядывая во все щели, грубил, раздувал скандалы, и что ещё замышлял, совершенно непонятно.

Кира нахмурилась. Её достал Саблезуб. Конечно, Огонь и Снежка рассказали, что он орал там, в командном пункте, когда всё крушил. И она видела, как расчётливо Саблезуб иногда поглядывает в её сторону. Страха не было, нет, она боялась только одного: никогда не найти Никиту. Никогда не узнать, что с ним произошло. Но что Саблезуб мешается под ногами и замедляет процесс поиска, это очевидно. И будет продолжать, пока они не найдут выход.

– Проклятье! – Сказала Кира. – Как же он достал!

– И не говори.

Эта проблема всплывала не впервые. Но раз за разом её откладывали на потом. Что? Что они могли сделать?

Короче, Киру эта неопределённость достала. Огонь весь извёлся: он старался, никто не спорит, но не придумал ничего лучшего, чем постоянно ходить за Саблезубом, как за маленьким ребёнком. Наверное, однажды ему надоест, и тогда неизвестно что произойдёт, но ждать сейчас, когда случилось хоть что-то, связанное с пропажей Никиты? Она и так слишком долго ждала, чтобы откладывать из-за этого психа!

– Перец! – крикнула Кира, оглядываясь. В командном пункте, где сейчас находились Кира и Снежка, было пусто. Здесь навели порядок, мусор убрали, шкафы кое-как выпрямили и поставили на место, битые экраны заменили целыми. Не все, конечно – нашли всего пять штук, но вроде хватало. Огонь говорил, что и командной консоли хватит для управления базой, а она, к счастью, сделана из противоударного и огнеупорного материала. И оба кресла не пострадали – не зря они столько стоили, оправдали свою репутацию мебели премиум-класса.

ИИ-помощника в помещении не было, но вскоре он загудел в коридоре и немедленно явился пред их светлые очи.

– Перец, нас всех достали эти непонятки с базой и доступом! Что за таинственность, к пёсьей матери! Как, чёрт возьми, сделать, чтобы Саблезуб тут больше ничего не натворил?

– Ограничить его перемещения? – предложил Перец. – Предлагаю такие варианты, как изоляция в отдельном помещении.

– О, поверь, мы об этом думали! Но это вызовет бунт! Это же так жестоко – засадить бедняжку в карантин. За что? Он ведь просто был болен, с ним случился нервный срыв. Со всеми бывает. Ну, денёк ещё ладно, пусть посидит, подумает над своим поведением. Но насовсем? Конвенция по правам человека запрещает так издеваться над людьми!

Кира разошлась не на шутку. Ей нужно заниматься поисками Никиты, лететь на поиски Пустоты – может, там удастся нащупать зацепку, а вместо этого приходится забивать голову выходками Саблезуба. Сюсюкать с ним, как с младенцем!

– Короче, Перец. Просто возьми и закрой Саблезубу… всем, кроме меня, возможность отдавать приказы! – в сердцах крикнула Кира. – Пусть он, даже если захочет, ничего не сможет сделать! Закрой ему доступ ко всему!

– Исполняю.

Снежка, которая только собиралась что-то сказать, застыла с приоткрытым ртом. А Кира быстро подняла вверх палец, чтобы та не начала говорить и не сбила с мысли. Догадка была невероятной, но все же…

– Перец.

– Да.

– Ты лишил всех на базе прав?

– Да. Приказ исполнен.

– Мой приказ. Ты выполнил мой приказ?

– Совершенно верно.

– Это значит, что я могла… могу отдавать такие приказы?

Молчание. Когда он молчит, его так и хочется треснуть!

– Ну! Отвечай!

– Информация отсутствует.

– Проклятый ящик! Снежка, прикажи ему что-нибудь.

– Перец, проверь, какой сейчас заряд у больших транспортеров.

– Доступ запрещен. Вы не обладаете необходимыми правами для проверки данной информации.

Несколько секунд в комнате царило изумлённое молчание.

– Офигеть, – сказала Снежка. – У тебя командирские права. Но как?

Кира вначале ошарашенно покачала головой и только потом ответила:

– Не знаю.

– Ты не могла просто зайти на базу и получить командирские права! Кто-то должен был тебе их передать!

Кира судорожно думала. Всё верно. Неизвестно, как она их получила. Но по большому счёту – какая разница, откуда? Сейчас есть вещи более важные, да и Саблезуб потерял большую часть своих зубов.

– Не важно, – резко ответила Кира. – Перец, вернуть права всем, кроме Саблезуба. Кто-нибудь ещё может менять права?

– Вопрос непонятен.

– Кто-нибудь может вернуть права Саблезубу, кроме меня?

– Начальник базы.

В горле пересохло, и Кира сдавленно произнесла:

– Никита? Никита – начальник базы?

– На базе не установлен человек с таким именем.

Она уронила голову на руки. Одна невозможная идея не значила, что и вторая сработает. Никита не мог передать ей права – откуда он их взял бы? Когда-то – кажется, столетия назад – Кира допускала вариант, что Никита замешан во всём происходящем и что он шёл к базе целенаправленно, зная её точные координаты. Но сейчас она так не думала. Совместная дорога доказывала, что он не знал, где искать базу. То, как они метались вокруг этой проклятой арки, не могло быть случайностью. Иначе бы вышло, что он рисковал её жизнью, тормозя приход на базу, хотя мог привести гораздо, гораздо раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sholoh_yuliya/chernyy-sektor-vor

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить